

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 120, сентябрь 2024

Стратегическая беспрецедентность и ядерное сдерживание

Стратегическая беспрецедентность. Именно так мы охарактеризовали двадцать лет назад состояние отношений держав на глобальном уровне, отмеченное восхождением Китая до уровня империалистической державы и качественным скачком, который совершил европейский суверенитет с созданием федерации евро.

Беспрецедентность означает нечто, чего раньше не происходило; *стратегическое* указывает на то, что речь идёт о фундаментальных балансах между центрами империализма в глобальном балансе сил.

Каждый действительный процесс, само собой разумеется, имеет свою историю и, таким образом, сочетает в себе глубинные тенденции, исторические, экономические и политические константы с изменением уже существовавших условий. Однако на рубеже этого тысячелетия произошли такие потрясения, которые привели к возникновению *новой стратегической фазы*. Процесс глобального капиталистического развития – это вековая тенденция, и после второй мировой войны он окончательно захватил азиатские рынки, завершив историческую миссию капитала, которую наши учителя, Маркс и Энгельс, определили ещё в “Манифесте

Коммунистической партии” 1848 года. Но в девятые годы, а затем и в новом тысячелетии беспрецедентным было то, что из отсталой материковой Азии поднимается новая империалистическая держава, обладающая масштабом демографического гиганта.

Можно сказать и лучше: *неравномерное развитие*, как экономическое, так и политическое, является законом развития унитарного империализма, он управляет восхождением новых держав и упадком других, и новые отношения между империалистическими державами неизбежно периодически определяются силой. В первой половине XX века вторжение Германии, Японии и Соединённых Штатов нарушило международный порядок, основанный на европейском балансе сил и Британской империи, и привело к двум мировым войнам, к саморазрушению Европы и атомному уничтожению Хиросимы и Нагасаки. Таким образом, в случае с Японией существует прецедент восхождения крупной азиатской державы и вызванного этим *кризиса и разрушения порядка*.

Беспрецедентным является масштаб китайского империализма. Он таков, что сегодня Пекин стоит почти на одном уровне с Вашингтоном и Европейским союзом, а завтра он обгонит все старые державы, вместе взятые. Вот она *беспрецедентность* многополярного противостояния, которое происходит в основном между очень крупными государствами и силами континентального масштаба. И вот он новый стратегический знак европейского единства. Старушка Европа более семидесяти лет реагировала на военные катастрофы постепенной интеграцией единого континентального рынка: ЕОУС, единый европейский рынок, ЕЭС и, наконец, Европейский союз. Но политический союз в 1992 году и федерация евро в 1998-м стали квантовым скачком и *беспрецедентностью* в определении властей европейского суверенитета: конечно, это стало возможным благодаря распаду СССР и воссоединению Германии, но политическая централизация также необходима для того, чтобы действовать на новом уровне многополярного противостояния, в масштабах, соответствующих вторжению Китая.

Упорное развитие ЕС в форме *полуфедерации*, сочетающей федеральные, конфедеративные и национальные полномочия, уже в третий или четвёртый раз сталкивается с вопросом общей внешней и оборонной политики, после ЕОС в 1952 году, дебатов по вопросу *европейской обороны* в 1980-х годах и Конституционного конвента в начале 2000-х, но прошлые неудачи означают, что теперь это делается в срочном по-

рядке, а также в условиях возбуждения, вызванного *войнами кризиса порядка*.

На самом деле, именно из *стратегической беспрецедентности* этой первой четверти века исходят условия политической борьбы и противостояния между державами. Беспрецедентными, по крайней мере со времён второй мировой войны, являются черты *нового политического цикла* в старых державах: он отмечен недовольством и массовыми страхами, распространяющимися среди мелкой буржуазии, промежуточных слоёв, а также среди наёмных работников под воздействием коллизий глобализации и миграционных потоков. После кризиса 2008 года психология упадка вытеснила оптимистические мифы о триумфе глобализованного капитала на Западе; протекционизм и государственное вмешательство начали подтачивать тридцатилетний либеристский консенсус. Такова *беспрецедентная напряжённость*, вызванная *кризисом порядка*, по мере того как восхождение Китая оборачивается перевооружением, а болевые точки региональных кризисов

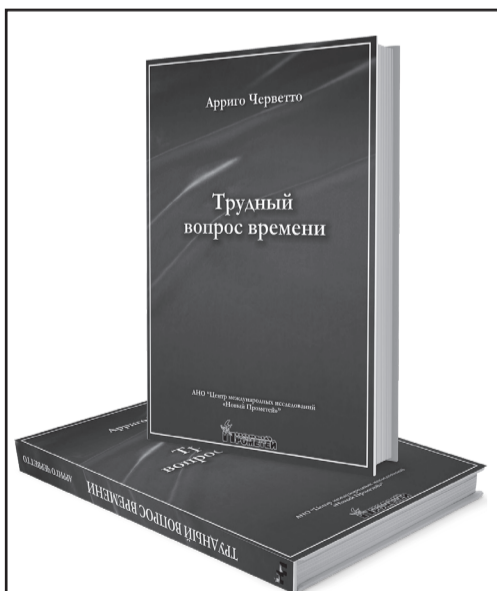
подвергаются воздействию новых условий противостояния держав.

Мы уже отмечали, что понятие *кризиса порядка* должно быть расширено и на *глобальный ядерный порядок*; атомное перевооружение Пекина предполагает в течение следующего десятилетия соглашения как минимум трёх крупных ядерных держав – США, России и Китая. Это затрудняет расчёты политики сдерживания, подрывает доверие к *расширенному сдерживанию* США в отношении своих союзников и, следовательно, имеет последствия для Европы, Японии, других держав, уже обладающих атомным оружием и стремящихся стать таковыми, а также для кризисных зон – Среднего Востока, Кореи, – затронутых распространением ядерного оружия.

Туман *стратегической беспрецедентности* опускается и на ядерное сдерживание.

(продолжение на стр. 2)

Lotta comunista, июль – август 2024 г.

Арриго Черветто

Трудный вопрос времени

Издательство
«АНО «ЦМИ “Новый Прометей”» 2007,
160 страниц,
суперобложка, примечания,
биографический справочник,
библиография,
алфавитный указатель.

ISBN: 978-5-91258-033-8

Цена 200 руб

Содержание

Стратегическая беспрецедентность и ядерное сдерживание.....	стр. 1
Первооружение и ядерный порог	стр. 2
<i>Партия и беспрецедентный кризис порядка</i>	
Ключевое десятилетие	стр. 3
Расплата за лёгкие деньги.....	стр. 4
<i>Европейские хроники</i>	
Восстановление баланса в Британии и новая европейская динамика.....	стр. 5
<i>Российские хроники</i>	
Реакционность национальной экономики.....	стр. 6
<i>Российские железные дороги</i>	
Константа военного фактора.....	стр. 7
Панславизм и национальный вопрос.....	стр. 8
<i>Кризис в Бангладеш</i>	
Дакка и огненное кольцо вокруг Индии	стр. 9
<i>Выборы в США</i>	
Джексоновский миф о Трампе и Вэнсе.....	стр.10
Тандем Харрис – Уолз возобновляет гонку	стр.11
<i>Гиганты Азии</i>	
Шанхай, Гуанчжоу и Пекин возглавляют социальную реструктуризацию .	стр.12
<i>Редакционная новинка</i>	
Классовый принцип	стр. 13
Раздел Палестины и образование Израиля.....	стр.14-15
Невиданное	стр. 16
Суть момента	стр. 16

Испанский наблюдательный пункт

Воплощения и призраки пиренейского евроатлантизма.....	стр. I
Воплощения евроатлантизма в Галисии и Мадриде.....	стр. II
Выборы на Пиренеях и европейское перевооружение.....	стр. III
Пиренейская инфраструктура и европейское перевооружение	стр. IV

Переворужение и ядерный порог

(начало на стр. 1)

New York Times сообщает, что в марте в Вашингтоне был утверждён пересмотр стратегии сдерживания с учётом «быстрого расширения» ядерного арсенала Китая, более быстро, чем предсказывала американская разведка всего два года назад. Си Цзиньпин, как сообщается, решил отказаться от существовавшей десятилетиями стратегии ограничения себя «минимальным ядерным сдерживанием» – голлистской доктриной достаточной обороны, – чтобы вместо этого достичь или превзойти арсеналы Вашингтона и Москвы. По оценкам Пентагона, Китай может развернуть 1000 боеголовок к 2030 году и 1500 к 2035-у, что соответствует оперативному уровню нынешних российских и американских средств.

Пранай Вадди, директор по контролю за вооружениями и ядерному распространению в Совете безопасности США, говорит, что впервые проводится детальная оценка того, готовы ли США ответить на ядерные кризисы, возникающие одновременно или последовательно, с помощью комбинации атомного и обычного оружия. Новая стратегия отвечает «необходимости одновременного сдерживания России, Китая и Северной Кореи». В прошлом предположение о том, что противники США могут «координировать ядерные угрозы», чтобы преодолеть американские силы сдерживания, казалось «далёкой». Но растущее партнёрство между Россией и Китаем и поставки обычных вооружений Москве Ираном и Северной Кореей «радикально изменили мышление в Вашингтоне».

Безусловно, конфликт в Украине внёс свою лепту. По мнению Ричарда Хааса, почётного председателя CFR, Россия «радикализировалась», и «идея о том, что ядерное оружие не может быть использовано в обычном конфликте, больше не кажется правдоподобной». Что касается Пхеньяна, то его арсенал сейчас оценивается в 60 боеголовок, что близко к уровню Пакистана и Израиля и достаточно для координации действий с Москвой и Пекином.

Однако реальным фактором изменений в игре остаётся атомное перевооружение Китая. Випин Наранг, до июля прошлого года помощник министра обороны США по космосу, противоракетной обороне и ядерному сдерживанию, был одним из координаторов пересмотра американской политики. В своей прошальной речи в Вашингтонском Центре стратегических и международных исследований (CSIS) по случаю своего ухода из администрации он заявил, что наступает «новая ядерная эра», отличительной чертой которой станет «рост и диверсификация китайского ядерного арсенала». Когда историки будут говорить о «четверти века после холодной войны», они, вероятно, увидят в ней всего лишь «ядерную паузу» между первым актом – конфронтацией между США и СССР, в которой всё же присутствовали элементы сотрудничества и контроля над вооружениями, – и «новой и опасной эрой», когда договорные ограничения на атомные арсеналы «исчезнут вообще»; Вашингтон должен своевременно подготовиться, избрав «более конкурентный подход».

New York Times пишет, что большая часть новой американской политики остаётся засекреченной вплоть до официального объявления, которое Джо Байден делает до истечения срока своих полномочий. Ряд статей в *The Economist* опирается, видимо, на источники в администрации, начиная с само-

го Наранга, и имеет то достоинство, что ясно демонстрирует политико-стратегические ставки США: сохранение доверия к «расширенному сдерживанию» в Европе и Азии перед лицом «большого числа противников, новых технологий и менее доверяющих союзников».

Как пишет *The Economist*, Пентагон предупредил, что эпоха «ядерной дэскалации» после холодной войны закончилась; вместо неё приходит «новое соперничество между ядерными и околяядерными державами», некоторые из которых «параноидальные». Это соперничество «более сложное и менее предсказуемое, чем старое биполярное противостояние между США и СССР», и поэтому «более опасное»: «Противостояние новым ядерным угрозам станет испытанием для Америки, пусть её ресурсы и источники, а политика стала более изоляционистской. Она должна заверить союзников, что её ядерный зонтик по-прежнему защищает их. И, к сожалению, ей придётся расширять свой ядерный арсенал. Колебания на обоих фронтах будут способствовать распространению ядерного оружия среди врагов и друзей, что сделает США и весь мир менее безопасными».

В этом и заключается дилемма расширенного сдерживания. Перед каждым президентом США встаёт вопрос: «Пожертвуете ли вы Лос-Анджелесом, чтобы отомстить за Сеул? И верят ли в то, что вы это сделаете, ваши враги?» Те же дилеммы стоят и перед союзниками: «Они знают, что изоляционистский популизм не покинет США, независимо от того, кто займёт Овальный кабинет в следующем году. Они знают, что силы США напряжены и что обещания расширенного сдерживания менее убедительны, чем раньше. Если бы Южная Корея сомневалась в американском зонтике, то она могла бы сделать свою бомбу, и 70 % корейцев считают, что так и следует поступить. Япония может последовать аналогичной логике. Европа обсуждает, достаточно ли ядерного оружия Великобритании и Франции для сдерживания России, если США выйдут из НАТО. Если у Ирана появится бомба, то и Саудовская Аравия может пойти тем же путём. Распространение ядерного оружия будет дестабилизировать обстановку; большее количество пальцев на красных кнопках увеличит вероятность ошибки в расчётах. Вероятность обычных войн также может возрасти, если некоторые страны попытаются помешать своим врагам преодолеть ядерный порог».

Важнейший политический вывод связан с перспективами предстоящего поединка между Камалой Харрис и Дональдом Трампом за президентское кресло. Отсутствие «двухпартийного соглашения по расширенному сдерживанию» вносит неопределённость. Байден попытался успокоить союзников, «направив в Европу и Азию больше бомбардировщиков и подводных лодок с ядерными боеголовками». Трамп и республиканцы-изоляционисты могут утверждать, что в этом больше нет необходимости, но «они ошибаются», расширенное сдерживание необходимо и в американских интересах в более узком смысле: Вашингтон «контринтуитивно» позволяет подставить себя под удар ядерного возмездия, чтобы «защитить союзников за тысячи миль», но при этом «позволяет избежать дестабилизирующего ядерного распространения». Это обеспечивало безопасность США на протяжении восьмидесяти лет, и «возможно, их противников тоже»; «в опасном мире было бы безрассудно позволить ядерному зонтику расползтись».

Концепция предельно ясна; ключевая формула, заметим, заключается в том, что ядерное распространение необходимо предотвратить «среди врагов и друзей». Америка «готовится к новой гонке ядерных вооружений», – говорится в заголовке другой статьи *The Economist*; новые размещения могут начаться уже в 2026 году. Наранг настаивает, что у Вашингтона нет нужды преследовать своих противников «боеголовка за боеголовкой»; по мнению Франклина Миллера, бывшего сотрудника Пентагона, речь идёт об удвоении нынешнего арсенала, до 3000–3500 боеголовок. Но главный факт заключается в том, что речь идёт не только о беспрецедентном противостоянии с Китаем, который через десятилетие станет «третьей ядерной сверхдержавой». Речь также идёт о сдерживании перевооружения в Европе и среди союзников в Азии, в первую очередь в Корее и Японии.

Показательна следующая фраза, которой Пентагон, по мнению *The Economist*, предупреждает о новом соперничестве между ядерными и «околяядерными державами». В данном случае речь идёт о странах «ядерного порога», только теперь это касается не только противников, но участников системы союзов США.

Девяностолетний Карл Кайзер был лидером немецкой стратегической мысли, возглавляя DGAP, Немецкое общество внешней политики, в ключевые тридцать лет между 1973 и 2003 годами. В эссе для *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, написанном в соавторстве с Йоахимом Краузе из Института безопасности Кильского университета, Кайзер утверждает, что Германия никогда не «пыталась всерьёз» начать программу ядерного перевооружения, но что со времён канцлерства Конрада Аденауэра проводила «двойственную политику» в этом отношении, пытаясь оказать влияние на американскую политику. Все канцлеры с 1950-х до 1990-х годов придерживались этой линии, играя на опасениях Вашингтона, что у Германии могут появиться силы ядерного сдерживания, причём иногда с «удивительными успехами». Этот вопрос также имел большое значение в переговорах о воссоединении в формате 2+4: то, что в случае нейтрального статуса Германия должна будет обзавестись ядерным оружием, было одним из аргументов, которые Джеймс Бейкер приводил Михаилу Горбачёву, чтобы добиться согласия на вступление объединённой Германии в НАТО.

Основой этой двусмысленной политики была гражданская ядерная программа. В оценке ЦРУ 1963 года, рассекреченной в 2018-м, утверждалось, что Германия вряд ли проявит «политическую волю» для получения атомного оружия, но «амбициозная программа гражданского использования ядерной энергии» приведёт Федеративную Республику «на порог» способности быстро обрести это оружие. Совпадение этого с жёсткой позицией Германии на переговорах по ДНЯО, Договору о нераспространении ядерного оружия, укрепило мнение Вашингтона о двойственном подходе Германии; с этого момента, пишет Кайзер, забота о том, чтобы избежать появления немецких сил сдерживания, стала «основополагающей» для американской политики в отношении Германии.

Кайзер резко критикует решение Германии отказаться от гражданской ядерной энергетики, которое он возводит к правительству СДПГ и зелёных Герхарда Шрёдера и Йошки Фишера

1999 года: с этим шагом возможность «использования ядерной двойственности в качестве рычага в международной политике» была «утрачена». Отметим, что процесс вывода из эксплуатации гражданских ядерных объектов всё ещё продолжается и он обратим, и это может стать лакмусовой бумажкой для определения степени стратегической автономии Германии. Обратим внимание и на то, что Кайзер останавливается в своём изложении на заявлении 1999 года, сделанных социал-демократами и зелёными, но окончательное решение было принято в 2011-м: здесь можно было бы усмотреть провал стратегической дальновзоркости Ангелы Меркель.

Показательно, что именно Наранг в своей книге 2022 года «*Seeking the bomb*» уделяет большое внимание сознательной политике Германии и Японии по использованию своего порогового статуса в ядерном перевооружении. Его тезис заключается в том, что Токио и Берлин, будучи «формальными союзниками» Вашингтона, сохранили «и продолжают сохранять» потенциальную ядерную программу как «гарантию перед лицом риска того, что Штаты их покинут». Оба использовали угрозу перейти Рубикон атомного перевооружения как средство давления для получения «уверенных гарантий» от Вашингтона. Это влекло за собой двойную выгоду в виде «крупных уступок» со стороны США, а также – внимание – в виде достижения порогового статуса в условиях минимальной уязвимости, возникающей в том «временном окне», когда другие государства ещё могут попытаться остановить их ядерное перевооружение.

Томас Кляйн-Брокхофф, новый глава DGAP, начал исполнение своих полномочий с комментария, в котором слышна поддержка проекта ELSA по созданию европейских ракетных сил, согласованного Германией, Францией, Польшей и Италией. НАТО-Европа будет безопасной и «не поддающейся политическому шантажу» лишь до тех пор, пока возглавляемый США Атлантический альянс будет надёжно защищать её «ядерным щитом». Перед лицом сомнений в американской надёжности «НАТО-Европа, и, особенно, её центральная держава, Германия», должна «стать способной к самостоятельному конвенциональному сдерживанию».

Ядерное сдерживание состоит как из боеголовок, так и из ракетного потенциала; формула «конвенционального сдерживания» также сохраняет свою двойственность, тем более что Берлин может использовать как немецкое пороговое положение, так и возможное совместное использование ядерных сил сдерживания Франции и Великобритании, чтобы перестраховаться на случай неудачи с американским зонтиком.

В 1980-х годах, в условиях зарождающейся многополярности, рейгановское перевооружение было направлено не только против СССР, но и на поддержание превосходства на всех направлениях, включая союзников. В планах Пентагона эта взаимосвязь, похоже, повторяется, но беспрецедентность заключается в том, что для противостояния Пекину США могут согласиться на ракетную автономию Европы и Японии, которая в условиях неоднозначности порогового положения может стать ядерной автономией. Мы подозреваем, что именно в этих частях новая политика США останется засекреченной.

Партия и беспрецедентный кризис порядка

Ключевое десятилетие

В первой четверти века произошёл эпохальный перелом в отношениях между державами, вызванный стремительным империалистическим развитием Китая. Арриго Черветто уловил этот процесс ещё в начале 1990-х годов: «Сегодня история в непредвиденной мере ускорила свой шаг. Анализ шестнадцатого столетия, как века ускорения и разрыва мировой истории, представляет собой модель для Марксистского видения» («Полуовина в Персидском заливе», январь 1991 года)¹. Курс империализма ускорился, стремительное восхождение Китая открыло в новом веке новую стратегическую фазу. Соединённым Штатам, ведущей мировой державе, бросил вызов антагонист с сопоставимой экономической мощью, который к тому же открыто заявил о своём намерении в течение следующего десятилетия оснастить себя вооружёнными силами «мирового класса».

На протяжении более чем двух десятилетий Китай продолжал набирать обороты, чему способствовал глобальный кризис 2008 года, а также кризис пандемии. Китайский империализм нарушил прежний баланс сил, открыв второй тайм новой стратегической фазы, характеризующейся кризисом мирового порядка. И не только: планы Пекина по развитию вооружённых сил спровоцировали гигантскую гонку вооружений по всему миру с огромными инвестициями государств.

Войны кризиса порядка

Перед лицом полного проявления кризиса порядка мы сформулировали на этих страницах два возможных варианта развития событий: либо серия связанных между собой региональных конфликтов, либо вспышка большой войны между великими державами. Мы считаем, что время для слома мирового порядка ещё не пришло, поэтому война между великими державами сегодня маловероятна, хотя исключить её нельзя. Тем временем локальные конфликты, порождённые кризисом порядка, уже идут.

На Украине война за империалистический передел между западными державами и российским империализмом, где на передовой оказалась Европа, продолжает жатву смертей среди молодёжи Украины и России, несмотря на то, что всё более настойчиво звучит гипотеза переговоров о перемирии. Война в Газе грозит перекинуться на региональный уровень, а массовые убийства мирных жителей израильской армией в ответ на террористическую атаку исламистских сил ХАМАС, вызывают отвращение. Сейчас говорят о сорока тысячах жертв, среди которых в основном женщины, дети и старики. И в то время как эта позорная бойня оставляет несмыслимое пятно на буржуазии Израиля, которая также несёт ответственность за исламистский подъём движения ХАМАС в Газе, данная война свидетельствует о провале вообще любого национального решения.

О нашей интернационалистской борьбе против войны в Газе мы ведём речь на другой странице этого номера. Здесь же мы просто повторим нашу твёрдую убеждённость в том, что сегодня решение кризиса на Среднем Востоке и палестинского вопроса возможно только при условии единства пролетариата Израиля, арабского и палестинского, а также десятков тысяч трудящихся там иммигрантов. Альтернатива в виде национальных путей и национализмов, запятанная религиозным фанатизмом с обеих сторон, привела лишь к колоссальным разрушениям и огром-

ному числу погибших, особенно среди палестинцев. Единственный выход – в классовом единстве многочисленного пролетариата в этом районе, в воинствующем интернационализме против буржуазии Израйля, против буржуазии различных арабских стран и Ирана, с которыми, в свою очередь, тесно переплетена палестинская буржуазия.

Путь к интернационализму

Наша молодёжь отказалась участвовать в кампании бойкота исследовательской деятельности с участием израильских университетов, их сотрудников и студентов – кампании, раздутой массмедиа и крупными газетами, а не реальным участием студентов. Во-первых, непонятно, почему следует бойкотировать отношения с израильским научным миром и в то же самое время продолжать работать по гораздо более многочисленным и выгодным контрактам с университетами европейского и американского империализма, на которых лежит весомая ответственность за катастрофы на Среднем Востоке. А ещё мы хотели бы, чтобы в наших университетах было много израильских студентов. Мы хотели бы говорить с ними, привлекать к нашему добровольчеству солидарности в пользу палестинских семей, пострадавших от бомбардировок в Газе. Мы хотели бы убедить их, что единственный путь – это интернационализм, борьба против собственной буржуазии в своей стране, проводимая при нашей полной поддержке и солидарности пролетариата Европы.

Не так давно вышла работа двух китайских исследователей, Кайсюань Лю и Вэньжуй Би, «Изучая марксизм в Париже: китайские студенты-коммунисты во Франции (1919–1925 гг.)». В начале 1920-х годов Китай отправил около 2.000 студентов в Европу, в Париж, по программе «учёба и работа», своего рода предшественнице сегодняшней программы Эразмус. Авторы утверждают, что около 100 из этих 2.000 студентов познакомились с марксизмом и стали его приверженцами.

Конечно, сталинская контрреволюция и маоистский социал-национальный популизм впоследствии присвоили себе это достижение нашей школы, так что из этих ста студентов вышли партийные лидеры государственного капитализма в Китае, в том числе Чжоу Эньлай и Дэн Сяопин. Но это уже другая история. Мы же размышляем о следующем: если такой выбор в пользу марксизма был возможен тогда, то почему он не может быть возможен сегодня, со студентами из Израйля или любой другой страны? Это явление уже имеет место в крупных европейских университетах, от Рима до Парижа, от Милана до Лондона или Берлина. И почему не прилагать усилия к тому, чтобы эти молодые люди несли марксизм и интернационализм в свои страны? Это нужно учитывать в наших усилиях по созданию партии в Европе.

Беспрецедентное испытание

Си Цзиньпин по случаю третьего пленума КПК, партии-государства китайского империализма, в июле написал: «Во всём мире ускоряются невиданные за столетие эпохальные изменения, продолжают региональные конфликты и волнения, обостряются глобальные проблемы, усиливаются внешние попытки сдерживать Китай. Китай вступил в период, когда сосуществуют возможности, риски и стратегические вызовы, а неопределённость и непредсказуемость нарастают». Бросающая вызов держава

указывает на характер следующего десятилетия, отмеченного кризисом порядка и его войнами. Мы призваны выдержать беспрецедентное испытание, открыть новый цикл развития нашей партии. Мы должны будем сделать это, начав с обновления связи с молодыми поколениями, расширив и заточив её на почве милитантства и жизненного выбора. Этого требует время.

Необходимо вернуться к размышлениям, сделанным после кризиса реструктуризации 1970-х годов, во время всеобщего замешательства, на спаде борьбы рабочих и в условиях моральной деградации империалистической зрелости. В конце 1986 года Черветто подчеркнул необходимость связи с молодёжью, подчеркнув, что её можно привлечь к Lotta Comunista как к партии научного порядка, ясности, в которой нет места мифам. Молодёжь можно привлечь научной газетой, конечно, не простой, но такой, которая «не закрыта в башне из слоновой кости, читаемая немногими, а которая распространяется среди масс, на лестничных площадках, которая является наукой, которая преобразуется в милитантство, которая становится борьбой».

Сорок лет назад это были рабочие гипотезы и указания; за прошедшие десятилетия они превратились в совершенно конкретный политический феномен. Год за годом в партию приходят новые молодые люди, укрепляя её, и мы вновь встречаем этих студентов на заводах и среди широких слоёв наёмного труда. Чтобы встретить грядущие бурные годы, начать надо именно с этого, причём имея в виду, сколько всего изменилось с началом новой стратегической фазы.

Молодёжь и война

Грядущие годы будут отмечены, можно сказать опалены, двумя факторами. Первый – это, несомненно, кризис мирового порядка, его войны и происходящее гигантское перевооружение: это явления, которые не могут не затронуть чувствительность молодёжи и особенно студенчества, как отмечал Ленин в эпоху напряжённости начала XX века. Сегодня никто не говорит, что война между великими державами невозможна, потому что есть ядерное оружие, потому что существует риск взаимного уничтожения. Война между великими державами теперь рассматривается в пределах возможного, и общее внимание уделяется силам ядерного сдерживания и их возможному применению. Иногда к прилагательному ядерное добавляют прилагательное тактическое: не следует забывать, что бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки, были именно такого масштаба.

Итак, на повестке дня непримиримая интернационалистская борьба новых поколений против унитарного империализма в целом, против своих собственных буржуазий, против всех национализмов, отечеств и границ, с неустанным осуждением бешеного перевооружения, в которое вовлечена молодёжь. Именно они будут будущими солдатами, будущими призывниками, как это случилось с их украинскими и российскими сверстниками. Не зря по всей Европе обсуждается пересмотр призыва в армию, чтобы подготовить почву для будущего массового призыва.

Демографическая пропасть

Вторая черта грядущего десятилетия – демографическая зима, и здесь наш многолетний анализ как раз является подтверждением «науки, которая становится борьбой». Материал об общем снижении рождаемости будет опу-

бликован в одном из следующих номеров нашей газеты. В прошлом году мы проанализировали то, как Китай вошёл в отрицательный демографический баланс и его население стало неумолимо сокращаться. На этих страницах мы рассматривали ситуацию в Европе, которая находится в отрицательном балансе с 2015 года, теряя около миллиона человек в год. В Италии демографическая зима крайне сурова; за восемь лет она потеряла 1,8 миллиона жителей. И это несмотря на прибывающие миграционные потоки, которые уже не в состоянии компенсировать снижение рождаемости.

Капитализм, достигший своей полной империалистической зрелости, больше не в состоянии гарантировать развитие человеческого вида.

Но есть и другое, более краткосрочное и среднесрочное последствие. Если принять к рассмотрению население в возрасте от 30 до 59 лет, то сейчас в четырёх ключевых европейских странах – Франции, Германии, Италии и Испании – оно составляет около 105 миллионов человек. Через десять лет, без миграции, оно сократится до 94 миллионов, то есть на 11 миллионов. Кто придёт на смену? В Италии сокращение составит около 4 миллионов человек, в Испании – 3 миллиона, в Японии – 6 миллионов, в Китае – 70 миллионов. Все государства будут отчаянно нуждаться в иммигрантах, в миллионах иммигрантов. Правящим классам придётся расширять приток иммигрантов и неизбежно считаться со страхами значительной части мелкой буржуазии и среднего класса, которые стареют и обрастают собственностью. Это их традиционная массовая база: социальные слои, опасющиеся перемены своего социального статуса, напуганные ветрами войны, встревоженные миграционными потоками.

Неизбежно будет расширяться пространство для торговцев страхами, и здесь показательны сигналы, исходящие от ксенофобских волнений в Англии. И тогда наша борьба с расизмом и ксенофобией станет крайне важной, а связи с рабочими-иммигрантами, которые наши рабочие кружки налаживают в районах и на рабочих местах, приобретут решающее значение. Наше добровольчество солидарности будет ценным, оно станет непосредственной политической борьбой против расизма и ксенофобии, за солидарность и инклюзивность. Это усилия, к которым мы призываем не только молодых людей, но и всех товарищей и добровольцев в наших кружках.

Историческая необходимость

Кризис порядка и его войны демонстрируют, что нынешний способ производства исторически устарел. Капитализм может выживать только ценой периодического уничтожения огромных производительных сил. С другой стороны, демографический кризис показывает, что капитализм больше не может гарантировать даже продолжение человеческого рода. На повестке дня потребность в высшем обществе, в органической связи между человеком и природой.

Борьба за социальную революцию, борьба за коммунизм, как никогда ранее, является исторической необходимостью. Наша борьба в течение десятилетия будет иметь решающее значение.

Lotta comunista, июль – август 2024 г.

1 – Черветто А. Многополярный мир. 1990–1995. Киров: Марксистская наука, 2006. С. 39.

Расплата за лёгкие деньги

В первую неделю августа мировые фондовые рынки потряс резкий обвал. Начавшись с Уолл-Стрит, он быстро добрался до европейских фондовых бирж и стремительно заразил Токио, потерявший за 2 дня торгов около 1/5 своей капитализации. Из Японии падение распространилось на Южную Корею, Тайвань, Австралию, Индию и Мексику. Индекс волатильности японского рынка претерпел самый большой скачок за 37 лет. За острой лихорадкой, продолжавшейся 5 дней, последовало столь же быстрое выздоровление. Первоначальный диагноз «провал», который угрожал сползанием экономики в «рецессию», был смягчён до «турбулентности», не исключающей «мягкой посадки» при восстановлении. Вновь возникают вопросы о внезапных хаотических колебаниях капиталистического цикла, с которыми всё чаще приходится сталкиваться в условиях затянувшегося кризиса порядка.

Именно это, а не масштаб краха фондовых рынков, и является наиболее интересным аспектом эпизода: на данный момент никаких знаменитых жертв не было, в отличие от столь же неожиданного банковского кризиса марта 2023 года, который стёр в пыль 3 американских региональных банка и Credit Suisse – исторический европейский банк. Говоря об обстоятельствах, сопровождавших Чёрный понедельник Токийской фондовой биржи (5 августа), *Wall Street Journal* назвала крах «началом расплаты за полтора десятилетия чрезмерных расходов и лёгких денег». Джиллиан Тетт в *Financial Times* высказала аналогичное мнение: мы являемся свидетелями «афтершоков» после «того экстраординарного эксперимента в монетарной политике, который заключался в количественном смягчении и нулевых ставках»; ставки были серьёзно скорректированы, но инвесторы, пишет Тетт, только сейчас осознают, насколько «эксцентричной» была эта политика.

Великолепная семёрка

Крупные хай-тек компании уже давно подогревают фондовый рынок своим оптимизмом. Но в июле финансовая отчётность некоторых из этих групп разочаровала инвесторов. Intel понесла убытки в 1,6 млрд долл. и объявила о сокращении 15 тыс. рабочих мест. 1 августа её акции упали на 26 %. Стоимость акций некоторых компаний технологической Великолепной семёрки (Apple, Microsoft, Meta, Amazon, Alphabet, Nvidia, Tesla) пошатнулась. Акции Amazon потеряли 8,8 %, вероятно, из-за снижения операционной прибыли в международном секторе. Магнат Уоррен Баффет принял решение вдвое сократить свою долю в Apple, которая пережила резкое падение продаж iPhone на китайском рынке: с начала года группа потеряла 370 млрд долл. капитализации. Nvidia, считающаяся компанией с наибольшим прогрессом в области искусственного интеллекта (ИИ), потеряла 22 % стоимости своих акций за первые 5 дней августа и 30 % с июня. Некоторым комментаторам показалось, что они услышали, как лопаются пузыри ИИ. Другие полагают, что Великолепная семёрка – это уже четвёрка, а может быть, даже тройка.

Как правило, падение акций было результатом не паники, а продаж с целью получения дохода от прироста капитала; последующий отскок стал результатом агрессивных покупок новых акционеров, которые захватили акции, считавшиеся ценными, с дисконтом в 10 или 20 %. В некоторых новостных сообщениях отмечается, что продавали свои акции в основном владельцы крупных

пакетов, предпочитая, ввиду падения ставок, покупку государственных облигаций и значительных долей рыночных денежных фондов, которые могут быть мгновенно возвращены и использованы для других целей. По данным *Financial Times*, даже после летнего урагана на долю Великолепной семёрки по-прежнему приходится 31 % капитализации среди 500 крупнейших листинговых групп («S&P500»); в прошлом финансовом году они вложили капиталов на сумму 177 млрд долл., что соответствует 18 % инвестиций всех компаний «S&P500», и направили 242 млрд долл. на исследования и разработки, что составляет 40 % от общей суммы.

Акционерный капитал

Быстрое восстановление капитализации, произошедшее всего за несколько дней и вернувшее несколько триллионов долларов, которые за несколько часов исчезли в бурях на фондовых биржах и вновь всплыли где-то в других руках, обнаруживает существенную разницу между реальным (производительным), банковским, в частности, торговым капиталом и акционерным капиталом, который собирается вокруг них.

Карл Маркс во II томе «Капитала» относит акции вместе с банковскими вкладами и государственными облигациями к форме прибавочной стоимости, которая «затвердевает в виде сокровища и в этой форме образует скрытый денежный капитал», скрытый, «потому что он не может действовать как капитал, пока остаётся в денежной форме»¹. Большая часть общей прибавочной стоимости не может быть немедленно использована в производственном цикле или потреблена капиталистами. Ей придётся подождать несколько циклов, прежде чем она сможет действовать как капитал в производственном процессе; её можно использовать более широко, когда цикл оборота капитала выходит за рамки ожидаемого, как это часто случается в случае проведения общественных работ; или она может быть задействована более быстро, когда открывается новый инвестиционный цикл. Перед нами как раз случай чрезвычайного накопления акционерного капитала вокруг крупных хай-тек компаний в начале новых инвестиционных циклов энергетического и цифрового переходов, а теперь и военного перехода. Если эти инвестиционные циклы сталкиваются с препятствиями или сопротивлением, как это происходит сегодня в некоторых секторах, производительный капитал должен реорганизоваться, а «клиентский» денежный капитал должен адаптироваться. Эту функцию финансовый капитал выполняет посредством множества фракций денежного капитала, которые он централизует в форме акций, которые демократическим путём переходят из рук в руки, изменяя распределение общественного капитала между секторами и компаниями. В акционерном обществе буржуазия обменивает доли прибыли, превышающие инвестиционные потребности отдельного капиталиста, и кооптирует долю средней и мелкой буржуазии через множество рантье.

Акционерные общества, как и кредит, ломают ограничения, за которые отдельный капиталист сам никогда не выйдет, позволяя ему расширить свою способность к накоплению. Эта связь между денежным и производительным капиталом и проявляется в кризисах фондового рынка. «[...] нарушения, происходящие на денежном рынке, приостанавливают деятельность таких предприятий, а эти последние, в свою очередь,

вызывают нарушения на денежном рынке»², – пишет Маркс.

“В нашем деле нет слова уверенность”

Одной из причин возросшей неопределённости на фондовом рынке стали разнонаправленные действия центральных банков. В июне ЕЦБ посчитал, что инфляция упала достаточно, чтобы он мог позволить себе первоначальное снижение ключевых ставок на 0,25 процентного пункта, не дожидаясь, пока Федеральная резервная система возьмёт на себя инициативу в новом, менее ограниченном, цикле монетарной политики. 22 июля, по итогам 3-го пленума ЦК КПК 20-го созыва, Народный банк Китая принял решение снизить ставку на 10 базисных пунктов, до 3,35 %. 31 июля Банк Японии (BoJ), неожиданно поплыл против течения, повысил ставки до «примерно 0,25 %», предупредив, что намерен продолжить повышение. В тот же день все члены Совета управляющих ФРС единогогласно продолжали сохранять твёрдость. На следующий день Банк Англии незначительным большинством голосов (5 против 4) принял решение – вслед за ЕЦБ – снизить ставки на 0,25 процентного пункта (доведя их до 5 %).

На пресс-конференции главы ФРС Джерома Пауэлла большая аудитория журналистов выразила сожаление по поводу бездействия центробанка на фоне признаков ухудшения ситуации на рынке труда. Бывший глава Федерального резервного банка Нью-Йорка Уильям Дадли предупредил Пауэлла в колонке *Bloomberg*, что если тянуть до сентября со снижением ставок, то «может быть уже слишком поздно, чтобы предотвратить рецессию». Важное значение имеет и разговор между журналистом *Bloomberg TV* Майклом Макки и Пауэллом. Макки: «Вы уверены, что не отстанете и не создадите ненужную безработицу до сентября?». Пауэлл: «В нашем деле нет такого слова как уверенность». Это могло бы стать лозунгом монетарной власти в нашем столетии.

Эти дебаты сказываются и на президентской гонке: республиканцы предупреждают, что снижение ставок перед выборами будет рассматриваться как подыгрывание кандидату от Белого дома. Публикация отчёта по американскому рынку труда отчасти подтвердила, что сомнения в выжидательной позиции ФРС имеют реальную основу, показав рост уровня безработицы с 3,7 % в январе прошлого года до 4,3 % в июле этого года и падение приёма на работу (со среднего показателя 114 тыс. до 177 тыс. за последние месяцы). Эти данные идут в ход в ежедневной кампании давления на ФРС с целью снижения ставок, тем самым побуждая другие центральные банки к более экспансивной монетарной линии.

Иена и кэрри-трейд в Чёрный понедельник

Хотя стремительное падение Токийской фондовой биржи в пятницу 2-го и понедельник 5 августа отчасти и отражало неожиданное недоумение американского хай-тек сектора, его основной причиной всё же стало решение Банка Японии повысить ставки на долю процентного пункта во второй раз за 17 лет! В предыдущие месяцы BoJ несколько раз проводил интервенции на рынках, чтобы защитить свою валюту, но он не мог делать это бесконечно. Опасения по поводу влияния укрепления иены на баланс японских компаний побудили несколько долгосрочных японских и иностранных фондов заказать крупные продажи ценных бумаг. Только в

Чёрный понедельник, когда фондовый рынок рухнул более чем на 12 %, иена выросла до паритета по отношению к доллару. Согласно колонке “Lex” в *Financial Times*, «одного дня было достаточно, чтобы свести на нет годовой рост многих крупных фондовых рынков Азии».

Так называемая кэрри-трейд (carry trade), получившая распространение в дефляционной экономике Японского архипелага, а также в других экономиках, живущих с нулевыми или почти нулевыми ставками, усилила фейерверк: в рамках этой стратегии игроки берут кредиты в валютах с минимальными ставками, чтобы инвестировать в валюты, предлагающие более высокую доходность. Начало монетарной нормализации в Токио вызвало разворот механизма: возвращение домой спекулятивной массы иен способствовало скачкообразному росту японской валюты.

Оценки масштабов кэрри-трейда варьируют в широком диапазоне. *The Economist* приводит некоторые из них: Банк международных расчётов оценивает трансграничные кредиты, номинированные в иенах и выданные банками и “небанками”, примерно в 270 млрд долл. По оценке UBS, объём кэрри-трейд с парой доллар – иена на своём пике достигал 500 млрд долл. JP Morgan называет ошеломляющую цифру в 4 трлн долл.

Чтобы обуздать водоворот фондового рынка, вмешался заместитель управляющего Банка Японии Учида Шиничи, заверив, что BoJ привержен поддержанию «текущего уровня смягчения монетарной политики». ЦБ Японии хотел положить конец слабости иены, наиболее важной и очевидной причиной которой является постоянная огромная разница между доходностями японской и американской валют. Корреспондент *Financial Times* в Токио Лео Льюис, копяя немного глубже, отмечает, что для страны, которая импортирует почти всё необходимое для своего существования (от продуктов питания до энергии и сырья), такое решение ЦБ означает, что эта страна вступит в «кризис торговых отношений» и что «валюта – это всё для этой экономики».

Льюис считает, что закручивание гаек ни в коем случае не закончилось: по его словам, мы являемся свидетелями «спазмов и изломов» в процессе «нормализации Японии после десятилетий аномалий», и эта нормализация будет «чрезвычайно болезненной».

Lotta comunista, июль – август 2024 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 24. С. 90.

2 – Там же. С. 402.

Guido La Barbera
Новая стратегическая фаза
316 страниц, мягкий переплёт, 4 карты, хронология, библиография, биографический справочник
ISBN 978-5-9905528-2-1
Цена 350 руб.

Европейские хроники

Восстановление баланса в Британии и новая европейская динамика

Всеобщие выборы 4 июля в Великобритании положили конец четырнадцатилетнему периоду правления Консервативной партии, и к власти пришли лейбористы. Лидер лейбористов Кир Стармер сменил Риши Сунака на посту премьер-министра. В новом составе Палаты общин лейбористы получили 411 мест (+211 по сравнению с 2019 годом), консерваторы – 121 (-251), либеральные демократы – 72 (+64), Шотландская национальная партия (ШНП) – 9 (-39), ультраправая партия Reform UK – 5 (+5). Однако, несмотря на резкое изменение в распределении мест, это не является результатом перевеса голосов в пользу лейбористов. Мажоритарная избирательная система (победитель получает всё) – это одномандатная избирательная система, при которой избирается кандидат, набравший наибольшее количество голосов в своём избирательном округе, а голоса, полученные другими кандидатами в этом округе, уже не влияют на распределение мест. Это скрывает тот факт, что речь идёт не столько о победе лейбористов, сколько о крахе тори и ШНП.

По сравнению с выборами 2019 года Консервативная партия потеряла половину своего электората – число голосов упало с 14 до 7 миллионов голосов. Лейбористы же, набрав 9,7 миллиона голосов, фактически потеряли полмиллиона по сравнению с 2019 годом. Ещё один своеобразный эффект избирательной системы заключается в том, что 3,5 миллиона голосов, полученных либеральными демократами, дали им 72 места, в то время как 4,1 миллиона, собранные Reform UK во главе с Найджелом Фараджем, принесли им лишь 5 мест. Основными трендами этих выборов стало вытеснение голосов консерваторов, собранных партией Фараджа, и рост числа не принявших участие в выборах на 7 процентных пунктов по сравнению с 2019 годом.

Крах Консервативной партии

Консервативная партия была наказана за свою роль архитектора Брексита, чьи обещания разошлись с фактическими результатами. В основе Брексита лежали две противоречащие друг другу школы мысли. Первая тенденция заключалась в замыкании на себе: её выражением стали иллюзии о возможности изолироваться от мира и враждебность по отношению к иммигрантам. Вторая – идея «Глобальной Британии», согласно которой Великобритания для процветания должна была освободиться от оков Европейского союза и стать корсаром свободной торговли, бороздящим волны мирового рынка. «По сути, нация поставила свое будущее на карту торговли, причём в тот самый момент истории, когда сама идея рушилась», – комментирует Джанан Ганеш, обозреватель *Financial Times*. Согласно его анализу, «Brexit с самого начала был большой ставкой на экономическую открытость США. Считалось, что двусторонняя торговая сделка с Вашингтоном компенсирует потерю неограниченного доступа на рынок ЕС». В реальности же поворот США к «расширению протекционизма» означает, что «глобальная торговля фрагментируется». Результатом стало не только «отсутствие соглашения с США, но и

уменьшение перспектив для соглашения с третьими странами» (29 мая).

Консерваторы дважды поставили себе шах. Сначала, когда Дэвид Кэмерон, стремясь наладить дисциплину в своей партии, решил вынести вопрос стратегического значения на референдум. Затем, после референдума, партия оказалась под шахом во второй раз, пытаясь ухватиться за демагогический миф о Брексите в попытке конкурировать с Фараджем. По мнению обозревателя *Financial Times* Роберта Шримсли, Консервативная партия – «последняя жертва Брексита», оказавшаяся на буксире у популистской политики, которую тори «надеялись кооптировать и приручить». Brexit подтолкнул тори к «выбору явно не соответствующих моменту лидеров». В итоге партия, которая была «огромной церковью», стала «заложницей всё более узкой секты» (6 июня).

После восьми лет политической дезориентации приход к власти лейбористов Стармера предоставляет возможность восстановления баланса.

Хотя он исключил возвращение своей страны в ЕС или таможенный союз, Стармер, тем не менее, ясно дал понять, что хочет улучшить отношения с ЕС.

Лейбористы у власти

Начав предвыборную кампанию с призывов к стабильности и серьёзности, Стармер сперва предложил программу без достаточной конкретики: в ней были как левые предложения, так и моменты, которые могли бы появиться даже в программе тори. Например, он обещал увеличить военные расходы с 2,3 до 2,5 % ВВП, сохраняя при этом бюджетную дисциплину и снижая отношение долга к ВВП. Открытие новой парламентской сессии дало возможность сформулировать законодательную программу, которая должна лечь в основу «десятилетия национального обновления». Среди политических мер, объявленных под знаменем лейбористов, – расширение прав трудящихся и профсоюзов, улучшение защиты лиц, арендующих жильё, национализация железных дорог и создание государственного органа под названием Great British Energy для продвижения энергетического перехода. С другой стороны, правительство обязуется строго придерживаться бюджетных правил, сократить бюрократические проволочки и улучшить защиту границ путём создания нового Командования пограничной безопасности.

«Это правительство хочет, чтобы государство играло более значительную роль», – комментирует *Financial Times*. «Во многих смыслах Британия просто отыгрывает отставание от глобальной тенденции к экономическим стратегиям, возглавляемым государствами», – считает финансовая газета Сити, не забыв предупредить, что «установление правильного баланса между стратегическими инициативами и рынком будет иметь решающее значение» (18 июля).

Сближение с ЕС

Имея весьма ограниченные бюджетные возможности, правительство Стармера полагается на экономический рост, чтобы финансировать объёмную программу без увеличения долговой нагрузки. Это также одна из причин, по которой оно хочет добиться

ПРЕОБРАЖЕНИЕ СЭРА КИРА СТАРМЕРА

Кир Стармер родился в 1962 году в семье слесаря-инструментальщика и медсестры, сторонников лейбористов, и был назван в честь основателя Лейбористской партии Кира Харди. В шестнадцать лет, вскоре после избрания Маргарет Тэтчер премьер-министром, он вступил в молодёжное движение лейбористов. Студент юридических факультетов Лидса и Оксфорда, в 1984 году Стармер участвовал в демонстрациях в поддержку бастующих шахтёров, а в 1986–1987 годах стал членом редакционной коллегии журнала *Socialist Alternatives*. Этот журнал вдохновлялся «наблизмом» – по имени Мишеля Пабло, что было одним из псевдонимов греческого троцкиста Михалиса Рафтиса. После учёбы Стармер продолжил карьеру юриста, специализируясь на правах человека и гражданских свободах. Он также был постоянным автором публикаций в *Socialist Lawyer*. В книге Тома Болдуина «*Keir Starmer: the biography*» (2024) утверждается, что, по крайней мере, до 1991 года Стармер скептически относился к возможности изменить общество методами законодательства: это было бы равнозначно тому, чтобы «ставить телегу впереди лошади», писал он. Но с годами его взгляды изменились. Признавая критику Карлом Марксом концепции прав человека, он написал в *Socialist Lawyer* в 1995 году, что законодательство о правах человека всё же может «помочь осуществить прогрессивные изменения». В книге Болдуина говорится о том, что Стармера затащило ветром, сопровождавшим приход к власти «новых лейбористов» Тони Блэра. Однако он оставался левее правительства Блэра и выступал против антитеррористических законов, введённых после 11 сентября 2001 года. Он также высказывался против войны в Ираке.

В 2008 году Стармер сменил сферу деятельности, став руководителем по уголовным делам во главе Королевской прокурорской службы. В знак признания заслуг перед государством в 2014 году он был посвящён в рыцари, став сэром. В 2015 году он снова сменил работу, будучи избранным в Палату общин. На референдуме о выходе из ЕС Стармер проголосовал против выхода, а затем поддержал проведение второго референдума, надеясь на возвращение в ЕС. Однако он понял, что лучше избегать лишнего высказываний на эту «токсичную» тему. В 2020 году он сменяет Джереми Корбина на посту лидера лейбористов: его избранию способствует позиция в защиту единства партии, а также десять выданных обещаний, начиная от национализации и заканчивая повышением налогов для богатых, которыми он угодил левому крылу партии. Впоследствии Стармер отказался почти от всех из них.

Всё сильнее опираясь на центристские течения, он маргинализировал левых и исключил Корбина из парламентской группы, обвинив его в преуменьшении масштабов антисемитизма в партии. Добиваясь нового имиджа для партии лейбористов, он навязал ей свой «левый» патриотизм: использовал флаг Юнион Джек и национальный гимн, восхвалял госслужбу и защищал жёсткую линию в борьбе с преступностью и нелегальной иммиграцией. Во время предвыборной кампании 2024 года недоброжелатели называли Стармера скучным и лишённым харизмы. Однако созданный им образ серьёзного профессионала, а также его центристская программа обеспечили ему поддержку *Financial Times*, *Economist* и даже *Sun*. После победы на выборах Стармер подчеркнул в своей речи перед активистами партии, что лейбористы победили только потому, что партия изменилась. В личном плане приход на вершину власти в возрасте 61 года является для него кульминацией собственной трансформации, которую иногда описывают как путешествие слева направо или даже как превращение из внешнего оппозиционера во внутреннего реформатора.

улучшения отношений с Европейским союзом, главным торговым партнёром Великобритании. Пересмотр торгового договора «пост-Брексит» уже запланирован на 2025 год.

Вторая область, в которой Стармер хочет сблизиться с ЕС, – это оборона, посредством «нового пакта безопасности». Лондон будет стремиться получить доступ к Европейскому оборонному фонду и «растущему рынку [военных] закупок» ЕС (*Times*, 8 июля). *The Guardian* поясняет: «Лейбористы хотят, чтобы оборонная промышленность стала частью экономического возрождения Британии, хотя поддержка торговли оружием может быть непопулярна среди некоторых сторонников партии» (20 июля). Однако лондонская *Times* предсказывает трудные переговоры и, в особенности, сопротивление со стороны Франции, которая, как утверждается, обеспокоена возможным ослаблением своей роли «военно-промышленной державы» ЕС. Более того, Париж «с глубоким подозрением относится к намерениям Великобритании» из-за «таких эпизодов, как соглашение AUKUS» (8 июля). Это соглашение между Великобританией, США и Австралией (A-UK-US) отняло у Франции австралийский заказ на подводные лодки. Тот факт, что новый министр иностранных дел Великобри-

тании Дэвид Лэмми сразу после вступления в должность посетил Берлин, Стокгольм и Варшаву, может подогревать опасения французов. В то время как Франция ослаблена внутривосточной ситуацией, британская инициатива может создать новую трёхстороннюю динамику в Европе.

Календарь благоприятствовал дипломатической инициативе Великобритании по сближению с ЕС, так как 18 июля в Англии должен был состояться четвёртый саммит Европейского политического сообщества. В статье, опубликованной в самом популярном таблоиде *The Sun*, Стармер представил встречу 44 лидеров стран Европы и её ближайших соседей как возможность укрепить сотрудничество с целью «превратить преступных группировки, которые называются на нелегальной иммиграции» (17 июля). После саммита Стармер, отказавшийся от плана консерваторов по депортации в Руанду просителей убежища, выказал свою готовность рассмотреть соглашение вроде того, которое Италия заключила с Албанией. Таким образом, борьба с «нелегальной иммиграцией» становится удобным отвлекающим манёвром, чтобы обойти табу на сближение с Европой.

Российские хроники

Реакционность национальной экономики

Владимир Коссов, начальник Главного вычислительного центра Госплана в 1981–1984 гг., вспоминал, что в анализе ситуации в СССР ему и его коллегам «помогали материалы ЦРУ», а журнал *The Economist* являлся настольной книгой («Неприкосновенный запас» № 5, 2020).

Формирование Коссова прошло в Центральном экономико-математическом институте (ЦЭМИ) АН СССР, в котором он работал в 1963–1966 гг. ЦЭМИ был создан в 1963 г. по инициативе академика Василия Немчинова на базе организованной в 1958 г. лаборатории экономико-математических методов. С этим же институтом связаны имена экономиста-антизападника Сергея Глазьева, основателя и директора «Левада-Центра» Юрия Левады, президента фонда «Либеральная миссия» в 2000–2019 гг. Евгения Ясина, президента Российского союза промышленников и предпринимателей (РСПП) Александра Шохина, одного из разработчиков программы «500 дней» Станислава Шаталина, помощника Президента СССР по экономике Николая Петракова, соратника Анатолия Чубайса Виталия Найшуля, участника разработки «реформ Косыгина» Рэма Белоусова и его сына, нынешнего министра обороны Андрея Белоусова.

Все они так или иначе были подвержены влиянию идей академика Юрия Ярёменко (1935–1996), а кого-то из них связывает с ним многолетнее сотрудничество. Сам же Ярёменко, по собственному признанию, был последователем школы Фридриха Листа (1789–1846). Франц Нойманн (1900–1954), ведущий юрист СДПГ в 1932–1933 гг., называет Листа первым ярко-выраженным национал-социалистом («Бегемот: структура и практика национал-социализма», Санкт-Петербург, 2015).

Градации индустриальной отсталости

Американский экономист российского происхождения Александр Гершенкрон утверждает, что в тех или иных формах к идеям Листа прибегали многие страны «догоняющего развития»¹.

Никола Капеллуто приводит пример Рауля Пребиша, основателя и первого управляющего ЦБ Аргентины в 1935–1943 гг., стратега «индустриализации с целью импортозамещения» («Пролетарский интернационализм» № 67. Март 2020). По заказу управляющего Банком Японии Томита Тецуносукэ в 1889 г. был сделан японский перевод книги Листа, а затем листианской индустриализации страны Восходящего солнца, пишет Джанлука Де Симоне, подражали многие государства Азии, особенно в моменты военной мобилизации, начиная с 1936 г. (*Lotta Comunista* № 333. Май 1998).

В России идеи Листа были взяты на вооружение начальником Департамента железнодорожных дел Министерства финансов Сергеем Витте, автором брошюры «Национальная экономия и Фридрих Лист» (1889). Несущей конструкцией «воспитательного протекционизма» Витте стал запретительный «менделеевский» тариф 1891 г. Бывшего инженера-путейца Витте привлекало подчёркивание Листом роли железных дорог как важнейшего элемента объединения производительных сил в национальном масштабе. Сам будущий глава правительства считал железные дороги «первостепенным орудием государственности»², а в условиях России они имели особое значение: наряду с расстояния-

ми и неблагоприятным расположением морских путей сообщения проблемой для экономического роста была на тот момент территориальная рассредоточенность месторождений каменного угля и металлических руд. Идеи Листа были восприняты Петром Струве, на тот момент легальным марксистом, как «победная песнь торжествующего капиталистического производства»³.

«Предчувствие гибели»

В марте 1845 г. Карл Маркс пишет работу «О книге Фридриха Листа «Национальная система политической экономики»». Немецкий буржуа, пишет Маркс, «не решается говорить о своих частных интересах и говорит о национальных»⁴: «не англичане», а он сам должен «эксплуатировать своих соотечественников»⁵, таким образом «немецкий филистер [Лист] – это надсмотрщик над рабами, который размахивает кнутом покровительственных пошлин, чтобы придать своей нации дух “промышленного воспитания” и дать ей почувствовать силу своих мускулов»⁶. Но даже тужась патриотическими идеями филистер вынужден заглядывать в огород более развитого соседа, по этой причине «в книге Листа нет ни одной основной мысли, которая не высказана в книге Ферье и не высказана в ней лучше. Ферье был чиновником Наполеона»⁷.

В «Политической оболочке» Арриго Черветто оценивает идеи Листа по достоинству: их основой является экономическая отсталость Германии того времени.⁸

Но, как пишет Маркс, идеи Листа возникли в момент, когда «предчувствие гибели буржуазии уже проникло даже в сознание немецкого буржуа»: «пролетариат уже существует и уже предъявляет требования»⁹. Это идеи заката капиталистического общества, содержащего в себе неизбежность конкуренции и войн.

Залпы войны капиталов

В 1998 г., уже после смерти академика Ярёменко, вышла книга «Экономические беседы», в которой можно, в частности, прочесть его размышления о параболе экономического развития государства ложного социализма.

Первоначальное накопление капитала в СССР было возможным потому, что «в распоряжении Сталина имелся колоссальный ресурс – крестьянство. Он разменял его на индустриализацию». На этой базе возникли или получили развитие многие сектора промышленности, в том числе военно-промышленный комплекс, который «создал не только заводы, но и свои города, университеты и прочее. Строительство всего этого интенсивно шло в 50-е, 60-е и 70-е годы. Однако возможности наращивания мощностей были не безграничны, и к началу 80-х годов достигли, по-видимому, своего предела». В 1970-е гг. СССР вошёл «в полосу структурного кризиса», который мог быть преодолен «только через изменение хозяйственных приоритетов».

«Мы жили в условиях хронического структурного неравновесия, когда сумма всякого рода целевых программ превышала наши текущие возможности и сама структура инвестиционных программ не соответствовала целям их реализации, а значит – порождала неравновесие», поэтому в Госплане и Госнабде «шёл торг по поводу распределения ресурсов». Делёж «проходил в соответствии с существовавшей систе-

мой приоритетов. Мировая экспансия и великодержавные интересы являлись тем началом, которое определяло всю эту иерархию». «Атомная бомба и ракеты очень подогрели эти наши амбиции. Мы попытались бросить технологический, милитаристский вызов всему миру, и мы проиграли. [...] Развязав гонку вооружений, мы уже не смогли из неё выйти. Страны Запада в ответ на наш вызов поставили своей целью нас уничтожить, и они своего добились. А мы оказались не в состоянии своевременно понять, что нам надо выходить из игры. [...] здесь нас подвело ослабление централизованной роли партии».

На последнюю мысль следует обратить внимание всем тем, кто до сих пор находится в плену идеологии о сверхцентрализованном характере партийно-государственной власти в СССР. По поводу же поражения СССР в гонке вооружений и тем самым проигрыша во всемирном противостоянии 1980-х гг. имеет смысл обратиться к размышлениям Арриго Черветто марта 1990 г.: «Если взять в качестве критерия динамику основного капитала во всём мире и согласиться с тезисом о том, что в начале сороковых годов уровень инвестиций был выше, чем в тридцатые, то можно предположить, что империалистское противостояние восьмидесятых было первым итогом пятидесятилетней войны капиталов. То, что в итоге на восточном фронте СССР проиграет, а Германия победит, мы предвидели ещё в пятидесятые годы»¹⁰.

Разновидности национальной экономики

В условиях кризиса 1990-х гг. Ярёменко предлагал закрыть экономические границы и резко повысить таможенные пошлины: «Я говорю не о безусловной, а о некоей относительной автаркии. [...] она позволит нам защитить нашу обрабатывающую промышленность, позволит ей развиваться в условиях высоких издержек на базе средних и не очень высоких технологий». В «Эльберфельдских речах», написанных в феврале 1845 г., Фридрих Энгельс детально разобрал варианты возможного развития отношений Великобритании и Германии, если последняя реализует подобную политику. Но ни эти теоретические размышления, ни исторический опыт поражения СССР в войне капиталов и технологий против Запада, по всей видимости, так и не стали уроком для Ярёменко и его последователей.

Дмитрий Белоусов, младший брат нынешнего министра обороны и заместитель директора Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (ЦМАКП), в июле 2020 г. писал, что в условиях кризиса «идеи экономического глобализма, “плохого мира эффективности”, санкционных войн против России, американо-китайского экономического конфликта «цель “включения в мировые кооперационные цепочки” становится то ли требующей за пределами высоких и непонятных политических уступок, то ли недостижимой». Он не призывал к изоляции от мирового рынка, а настаивал на необходимости «экспансии российской продукции на внутренние и внешние рынки» посредством технологической модернизации, которая позволит осуществить «прорывы на новые рынки, где ещё нет жёстких стандартов продукции и есть шанс стать “царём горы” в от-

сутствие пока других сильных игроков» («Ведомости», 21.07.2020).

Суть русской национальной игры «царь горы»: неопределённое количество участников ведёт между собой борьбу по принципу «каждый за себя», но с возможностью создания ситуативных альянсов, пытаясь добраться до заледенелой вершины и удержаться на ней. В мире капитала одетые в эполеты или гражданские костюмы «царьки» используют в борьбе за мировое господство разделённых по национальному и религиозному принципу пролетариат. Поэтому не следует забывать слова Маркса из его работы о Листе: «Национальность рабочего – не французская, не английская, не немецкая, его национальность – это труд, свободное рабство, самораспродажа. Его правительство – не французское, не английское, не немецкое, его правительство – это капитал. Его родной воздух – не французский, не немецкий, не английский, его воздух – это фабричный воздух. Принадлежащая ему земля – не французская, не английская, не немецкая, она лежит на несколько футов ниже поверхности земли»¹¹. Либо смерть за национальные границы, либо жизнь в интернациональной революционной борьбе за преодоление наёмного рабства.

Август 2024 г.

1 – Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. М. 2015. С. 84–85.

2 – Витте С. Конспект лекций о государственном и народном хозяйстве. М. 1997. С. 74.

3 – Струве П. Критические заметки к вопросу об экономическом развитии России. Вып. 1. СПб. 1894. С. 125.

4 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 42. С. 229.

5 – Там же. С. 238.

6 – Там же. С. 246.

7 – Там же. С. 255.

8 – Черветто А. Политическая оболочка. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2015. С. 22.

9 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 42. С. 228.

10 – Черветто А. Всемирное противостояние. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2019. С. 11.

11 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 42. С. 244.

Guido La Barbera

Новая стратегическая фаза

316 страниц, мягкий переплёт, 4 карты, хронология, библиография, биографический справочник
ISBN 978-5-9905528-2-1

Цена 350 руб.

Российские железные дороги

Константа военного фактора

II

Существует распространённое мнение, что выбор Россией нестандартной ширины своей железнодорожной колеи (1.524 мм, или 5 англ. футов, против 1.435 мм, или 4 англ. футов и 8,5 дюйма в большей части Европы) был обусловлен военными соображениями затруднить вероятному противнику снабжение войск в случае вторжения в страну. Однако эта гипотеза не подтверждается фактами.

Принятие такого стандарта было связано с *техническими* соображениями, прежде всего фактором скорости передвижения составов, представленными американским инженером Джорджем Уистлером (1800–1849), которого в Россию пригласил профессор Института Корпуса инженеров путей сообщения Павел Мельников (1804–1880). Но это нисколько не умаляет влияние *военного фактора* на развитие железнодорожной сети: в действительности его влияние было гораздо более глубоким, обширным и долговременным, чем предполагаемый важный, но частный, *технический* момент ширины колеи.

Как бы то ни было, доводы Уистлера счёл убедительными Главноуправляющий Путиями Сообщения Пётр Клейнмихель (1793–1869), и 14 (26) февраля 1843 года император Николай I утвердил предложенную американцем ширину железнодорожной колеи в Российской империи. Исключением стали лишь Варшавско-Бромбергская и Лодзинская железные дороги, построенные с колеёй в 4 фута и 8,5 дюйма. Строительство первой из них было начато в 1842 году.

Экономический, военный и политический план

В 1902 году Николай Кислинский, начальник отделения Канцелярии Комитета Министров, опубликовал свой фундаментальный труд «Наша железнодорожная политика по документам архива Комитета Министров», где реконструировал процесс принятия решений в российской железнодорожной политике начиная с середины 1830-х годов. Автор пишет, что период непосредственного участия правительственных учреждений в обсуждении дел железнодорожного строительства открывает 1835 год, когда был создан Комитет «обустройства железных дорог в России» под председательством лично Николая I и с самого начала деятельности Комитета в него входил военный министр (исначально граф Александр Чернышёв).

Кислинский отмечает, что если изучить журналы высших совещательных учреждений за 1855–1860 годы по железнодорожной делам, то нельзя не заметить, что правительство, разрешая те или иные дороги, «следовало известному, строго обдуманному плану», и что этот план должен был удовлетворять «наиболее неотложным экономическим и военным потребностям страны». Эта тенденция продолжилась и позднее, когда назначенный в 1862 году Главноуправляющим Путиями Сообщения и Публичными Зданиями П. Мельников – тот самый, который пригласил в Россию Уистлера – при составлении проекта новой сети стремился «удовлетворить как экономические, так и военные и политические потребности страны». Однако сами военные не считали, что их потребности учитываются в достаточной мере.

Вмешательство военных

В декабре 1868 года – одновременно с внесением Мельниковым представления с отзывом министра финансов

в Комитет и независимо от него – военный министр Дмитрий Милютин (1816–1912) представил Александру II записку о необходимости сооружения сети стратегических дорог. По мнению военного, для того, чтобы удовлетворить *хотя бы существенным* стратегическим потребностям России, которые «до того времени всегда приносились в жертву интересам экономическим», было необходимо построить четыре железных дороги на западе: 1) от Смоленска до Бреста (через Могилёв и Минск); 2) от Киева до Бреста (через Житомир и Ровно) с ветвью от Ровно до Бродов; 3) от Киева, или Нежина, через Могилёв до Витебска или на Минск и Вильно; 4) от Бреста (или Кобрина) до Гродно на соединение с Петербурго-Варшавской дорогой. Самодержец лично пометил: «Весьма дельно», – и передал документ на рассмотрение Комитета.

Последний постановил включить почти все из них (за исключением Брест-Гродненской) в первую категорию, признав за ними, помимо стратегического, ещё и экономическое значение, и вскоре эти линии были построены.

Однако к первой мировой империалистической войне Россия подошла со слабо приспособленной для этого конфликта железнодорожной сетью, и здесь было две основных проблемы: со стороны Тройственного союза (антагониста России с 1882 г.) к российской границе подходили 32 железнодорожные линии (14 двухпутных), с российской же стороны – лишь 13 линий (8 двухпутных), что давало возможность противнику сосредоточить свою армию почти вдвое быстрее; плохая пропускная способность железнодорожных линий к востоку от Москвы привела к слабому включению в общий военный организм обширных территорий от Нижнего Новгорода и восточнее.

Эти и другие факторы детерминировали относительно низкую эффективность и безуспешность России в этой войне, однако её *остановило* не поражение, а революция.

На острие революции

Чтобы выстоять в *сложнейших* условиях *первой* масштабной социалистической революции, новой пролетарской власти было необходимо решить ряд задач, важнейшими из которых были: расширение и закрепление своих плацдармов на как можно большей территории страны; изоляция и ликвидация очагов контрреволюции; наведение хотя бы минимального порядка на железнодорожном

транспорте, который к моменту революции находился в разлуке, грозившей парализовать всю хозяйственную жизнь.

Самым эффективным способом их решения – в условиях отсутствия сплошных линий фронтов, первоначальной разобщённости и малочисленности контрреволюционных формирований, незначительного удаления районов предполагаемых сражений от железных дорог – был признан стремительный захват специальными отрядами (направляемыми из революционных центров) крупных городов, узловых железнодорожных станций, важных в экономическом, политическом и военном отношении регионов России для ликвидации в них контрреволюции и установления Советской власти.

Так возник *инновационный* метод революционной власти – *эшелонная война*, т. е. боевые действия, развёртывающиеся вдоль железнодорожных магистралей, при которых ж/д составы служат средством манёвра, постоянного размещения и базой снабжения войск («Железнодорожные войска России. Кн. 2. От Первой мировой до Великой Отечественной: 1917–1941»). Органической частью этой тактики стал знаменитый бронепоезд Льва Троцкого.

Главным итогом применения этой тактики в начале гражданской войны стало установление к марту 1918 года Советской власти почти на всей территории России, за исключением областей, занятых австро-германскими войсками, и Закавказья, где (исключая район Баку), сохранил власть Закавказский комиссариат. Силы контрреволюции, не получившие непосредственную военную помощь от Антанты или Германии и Австро-Венгрии, были по-прежнему разгромлены.

Таким образом, мы видим, что роль железных дорог в качестве *военного фактора* беспрецедентно усилилась в период революции.

Позднее с этой константой столкнулась и новая контрреволюционная власть – сталинизм.

Константа военного фактора

Развитие железных дорог СССР в годы первых пятилеток проходило в соответствии с общей задачей – капиталистической модернизацией и реконструкцией экономики и укреплением позиций СССР в интенсивном межвоенном мировом противостоянии, в том числе на Дальнем Востоке. Наиболее показательным примером является Байкало-Амурская магистраль (БАМ), этапы строитель-

ства которой были *непосредственно* связаны с текущими условиями военного противостояния держав.

В 1926 году Китай захватил учебный отдел Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД) и потребовали передать ему часть имущества дороги, и в этом же году СССР была проведена топографическая разведка будущей трассы БАМа. В 1929 году начался «советско-китайский вооружённый конфликт» по поводу КВЖД, а осенью 1931 года Япония вторглась в Манчжурию, создав угрозу выхода на границу СССР, и 13 апреля 1932 года вышло постановление СНК СССР «О строительстве Байкало-Амурской железной дороги», во исполнение которого были развёрнуты проектно-исследовательские работы, и началось строительство этой железной дороги, игравшей роль «запасной», но затем оно было прервано на несколько десятилетий и возобновилось только 8 июля 1974 года с выходом постановления «О строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали», которое стало реакцией на стремительное ухудшение после XX съезда КПСС отношений СССР с Китаем, пиком которого стали пограничные столкновения 1969 года вокруг острова Даманский на реке Уссури. Последние же километры дороги были сданы в эксплуатацию 1 ноября 1989 года. До краха *ложного социализма* оставалось чуть более двух лет.

Романтика или стратегия?

В 1990-е годы, ставшие периодом катастрофического поражения Кремля в мировом противостоянии, наблюдался *стратегический дефицит* мысли российской буржуазии и на самом вершине приобрели вес наиболее вульгарные концепции экономического детерминизма, призванные выдать нужду за добродетель. Характерным примером стало высказывание 1998 года Егора Гайдара, который в тот период уже покинул правительство, но продолжал консультировать его по вопросам экономической политики: «Проект строительства БАМа – «дорогой, масштабный, романтический», но «экономически абсолютно бессмысленный» (ТВ передача «Намедни 1961–2003: наша эра», серия о 1974 г.).

Сегодня же – после развязывания российским империализмом войны на Украине, разрыва с Западом и вынужденного поворота на Восток – подобные оценки в федеральных СМИ не слышны.

Панславизм и национальный вопрос

Весной 1849 г. в Венгрии революция открыла новый фронт борьбы. Энгельс подробно проследил события венгерской национально-освободительной войны в ряде статей, среди которых по степени важности выделяются «Борьба в Венгрии» (январь 1849 г.) и «Демократический панславизм» (февраль 1849 г.).

В начале 1849 г. венгерская революция приобрела жизненное значение: победа Венгрии была бы победой немецкой революции, поражение же венгров нанесло бы ей удар, который предсказуемо стал бы непоправимым. Но венгры продемонстрировали невероятную способность к сопротивлению, доказав, что, хотя реакция и продолжалась, революция всё ещё имела шанс на успех там, где борьба велась упорно и мужественно. Энгельс отдаёт этому героическому сопротивлению дань уважения, в том числе проводя параллели с революционными войнами республиканской Франции и ставя лидера венгерской революции Лайоша Кошута вровень с Дантоном и Карно: «Массовое восстание, национальное производство оружия, выпуск ассигнаций, быстрая расправа со всяким, кто препятствует революционному движению, непрерывная революция, – словом, все основные черты славного 1793 года находим мы снова в Венгрии, вооружённой, организованной и воодушевлённой Кошутом»¹.

В этих строках Энгельса мы находим те же стратегические рамки, что и в работах Маркса о революции в Германии, но с учётом дополнительной проблематики: научный анализ ситуации на Дунае и Балканах должен был распутать целый клубок проблем, для чего было необходимо тщательно рассмотреть чрезвычайно сложные исторические, политические, языковые и этнические вопросы. Крайнее географическое ответвление европейского экономического и гражданского прогресса, Дунайский и Балканский регионы характеризовались высокой степенью неравномерного социально-экономического и политического развития: современные классы и порядки древних режимов, урбанизация и феодализм, современные нации без реального государства (немцы и венгры) и этносы без истинной национальности (южные славяне) взаимопроникали друг в друга, а в ряде случаев неразрывно сливались. Здесь труд по строительству современного буржуазного общества, начавшийся с серьёзным опозданием, натолкнулся на такой клубок нерешённых и гноящихся вопросов, который могло бы распутать только радикальное революционное движение прогрессивных классов и наций.

1848 г. предоставил возможность завершить это строительство соответствующими революционными средствами. Великая европейская революция была не только единственным лекарством, которое могло облегчить боль и сократить время вынашивания, но и представляла единственную реальную возможность разрешить эти противоречия. Доказательством этому служат 170 лет истории, начиная с неудачной попытки 1848 г., полные войн и геноцидов – плодов бессильного национализма, порождённого этим регионом, и его циничного использования великими империалистическими державами.

Следует добавить, что именно за два года 1849–1850 гг. Маркс и Энгельс

пришли к выводу, что буржуазия этого отсталого региона не только не смогла полностью выполнить свои демократические задачи, но даже не распутала связанное с ними решение национальных вопросов. Только великая европейская социальная революция, возглавляемая пролетариатом, позволила бы обеспечить истинное и полное решение национальных вопросов Центрально-Восточной Европы. Но история тогда пошла совсем другим путём и в решении основных национальных вопросов региона нашла, так сказать, свой «пруссский путь», состоящий из многих компромиссов, корректировок и долгой череды кровавых расколов, которые с наступлением эпохи империализма сделали эту местность одной из самых плодородных для создания предлогов для очередных кровавых мародёров. [...]

Необходимо было разъяснить тот факт, что не все национальные претензии можно рассматривать на одном уровне и что, в частности, претензии славянских народов империи Габсбургов (хорватов, словенцев и даже богемцев) обнаруживали себя как явный инструмент австрийского и царистского режимов.

В этом международном контексте – бурном, сложном, диалектически изменчивом и противоречивом – романтические лозунги, такие как самоопределение народов, всеобщая солидарность и т. д., оставались пустыми пожеланиями, не только бесполезными, но даже вредными. Только холодность науки и ясное определение революционной стратегии могли прийти на помощь революционному фронту. [...]

Уже в «Манифесте» Маркс и Энгельс разъяснили, что образование нации и буржуазного национального государства является делом буржуазии, ведь «рабочие не имеют отечества»². Для пролетариата в этом деле было важным то, чтобы эти экономические и политические события прошли как можно быстрее и радикальнее. И именно по этой причине в Германии, как мы видели, коммунисты встали на сторону демократии и провозгласили своей задачей национальное единство и демократическую республику.

Но при решении вопроса о Дунае и Балканах стратегия оказалась вынужденной иметь дело с крайним случаем: неспособность целых народов развиваться в нации, при отсутствии ядер национальной буржуазии, которые могли бы взять на себя роль «движущего класса»³ (случай южных славян), сопровождалась – но при этом безо всякой географической преемственности, – развитием других национальностей, которые, напротив, находились на пороге превращения в буржуазные нации (Германия, Венгрия и Польша). Более того, эта земля несостоявшихся наций, представленных этническими австрийскими славянами, становилась главным центром пополнения армий абсолютистской реакции.

Ни при каких обстоятельствах демократический лозунг о равном праве на самоопределение не мог быть применен к данной конкретной ситуации. Тем более что поддержка всякой безразборной национально-освободительной борьбы не могла и не может считаться принципиальным вопросом для марксизма. Оценка этого многогранного сочетания факторов должна была

привести к стратегическому и тактическому выбору, который должен был учитывать два обязательных момента: 1) поиск решения, наиболее благоприятного для международной стратегии пролетариата и, следовательно, 2) решения, которое благоприятствовало бы созданию классового фронта революционных наций в борьбе против сил Священного союза.

Для южных славян это могло означать и гибель «в буре мировой революции»⁴. Речь идёт об ассимиляции малых этнических групп и народов в единую национальную массу, что история уже знала во всех процессах формирования современных наций: «Нет ни одной страны в Европе, где в каком-нибудь уголке нельзя было бы найти один или несколько обломков народов, остатков прежнего населения, оттеснённых и покорённых нацией, которая позднее стала носительницей исторического развития. Эти остатки нации, безжалостно растоптанной, по выражению Гегеля, ходом истории, эти обломки народов становятся каждый раз фанатическими носителями контрреволюции и остаются таковыми до момента полного их уничтожения или полной утраты своих национальных особенностей, как и вообще уже самое их существование является протестом против великой исторической революции. [...] Таковы в Австрии панславистские южные славяне; это только обломки народов, продукт в высшей степени запутанного тысячелетнего развития. Вполне естественно, что эти также находящиеся в весьма хаотическом состоянии обломки народов видят своё спасение только в регрессе всего европейского движения, которое они хотели бы направить не с запада на восток, а с востока на запад, и что орудием освобождения и объединяющей связью является для них русский кнут»⁵.

Жёсткие слова, но не следует забывать, что Энгельс имел дело с процессом формирования капиталистического, буржуазного общества, являющегося неизбежной предпосылкой социалистического освобождения. Эти слова, пусть и в более конкретной форме, вполне соответствуют духу «Манифеста»: «Буржуазия всё более и более уничтожает раздробленность [...] населения. Она сгустила население [...]. [...] Независимые [...] области с различными интересами, законами, правительствами и таможенными пошлинами, оказались сплочёнными в одну нацию, с одним правительством, с одним законодательством, с одним национальным классовым интересом [...]»⁶.

Версия «Манифеста» менее конкретна, но то, что пишет Энгельс, есть лишь его приложение к отдельному случаю. Не только в экономической области буржуазное общество при своём рождении «источает кровь и грязь из всех своих пор, с головы до пят»⁷ (Карл Маркс, «Капитал»). То же самое можно сказать и о процессе формирования его наций и государств. [...]

Поэтому более чем оправдано определение панславизма, которое даёт Энгельс: «Панславизм – это союз всех малых славянских наций и национальностей Австрии и, во вторую очередь, Турции для борьбы против австрийских немцев, мадьяр и, возможно, против турок. [...] Панславизм по своей основной тенденции направлен против революционных элементов Австрии, и потому он заведомо реакционен.

Эту реакционную тенденцию панславизм немедленно обнаружил двойным предательством: он принёс в жертву своей жалкой национальной ограниченности единственную славянскую нацию, дотоле выступавшую на стороне революции, – поляков; он продал себя и Польшу русскому царю»⁸.

В заключение следует остановиться на борьбе против панславизма, которую вели Маркс и Энгельс, и на тезисе о «малых нациях», а также на решающем значении этой борьбы для стратегических битв, которые вели последующие поколения марксистов. Эти наработки оказали влияние на тезисы Ленина по национальному вопросу, который никогда не был для него принципиальным, а также на выбор в пользу борьбы против тьермондистских линий и «интервенционизма левой» в войнах на Среднем Востоке, который сделал Черветто.

Lotta comunista, май 2024 г

- 1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 6. С. 176.
- 2 – Там же. Т. 4. С. 444.
- 3 – Там же. Т. 6. С. 180.
- 4 – Там же. С. 179.
- 5 – Там же. С. 183.
- 6 – Там же. Т. 4. С. 428.
- 7 – Там же. Т. 23. С. 770.
- 8 – Там же. Т. 6. С. 181.

Стеклов Ю.М.

**Первый интернационал:
Международное товарищество
рабочих. 1864-1872**

512 стр., твёрдый переплёт, издание дополнено предисловием издателя, биографией автора, приложением из документов Первого Интернационала, работ К. Маркса и Ф. Энгельса, относящихся к данной тематике, а также статьёй Д.Б. Рязанова «Международное товарищество рабочих. I. Возникновение первого Интернационала» (из книги: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 1, М., 1924), хронологией, фотографиями, биографическим справочником, перечнем упомянутых в книге периодических изданий и примечаниями.

ISBN 978-5-9905528-1-4

Цена 450 руб.

Кризис в Бангладеш

Дакка и огненное кольцо вокруг Индии

По мнению Раджи Мохана, обозревателя *Indian Express* и авторитетного эксперта по индийской внешней политике, Дели следует задуматься о «пределах своего влияния» на внутреннюю динамику соседних стран, а не сокрушаться по поводу падения режима Шейх Хасины в Бангладеш 5 августа после месяца уличных демонстраций, унёсших от 300 до 500 жизней.

Ричард II в Дакке

Мохан считает, что здесь уместно вспомнить пьесу Уильяма Шекспира «Ричард II» (1594–1995): «*Давайте съедем наземь и припомним Предания о смерти королей*». Эта шекспировская трагедия размышляет о политической власти: монарх, правящий по божественному и династическому праву, но оказавшийся неспособным обеспечить функционирование государства, оказывается свергнут во имя «государственного интереса» герцогом Ланкастерским, будущим Генрихом IV, который воплощает макиавеллистскую и ренессансную концепцию политики. Если приложить это к современности, то Дели должен руководствоваться принципами *Realpolitik*: часть «авторитета великой державы» заключается в оказании поддержки своим союзникам и партнёрам, но приоритетом остаётся защита «стратегических и жизненно важных интересов», которые не могут зависеть от судьбы «отдельных лиц или партий».

История Хасины, которая была вынуждена бежать в Дели после того, как вооружённые силы Дакки отказались открыть огонь по демонстрантам, для индийского комментатора – это «история триумфа и трагедии»: она стала воплощением наследия своего отца по обретению национальной независимости и упрочила «экономическое чудо» Бангладеш, ставшей мировым центром текстильного производства после Китая. Трагизм же заключается в том, что она переняла и недостатки своего отца: «навязчивое стремление к централизации власти», кумовство и поляризацию национального исторического нарратива. Прозванная «железной принцессой», Хасина уже пережила годы изгнания в Индии после убийства отца, Муджибура Рахмана, и сорока членов семьи во время военного переворота.

Будучи главой Авами Лиг, основанной самим Рахманом в 1949 году, Хасина правила страной с 1996 по 2001 год, а затем непрерывно с 2009 года. Свой четвёртый подряд мандат она получила в январе прошлого года на выборах, бойкотированных оппозицией, в первую очередь НПБ, Националистической партией Бангладеш, второй крупной политической силой страны. Однако Дели, видя, что режим в соседней стране переживает кризис легитимности, решил не замечать его разрастающихся трещин. По мнению Мохана, свою роль сыграло и «чрезмерно романтическое» представление о роли Индии в отделении Бангладеш. С одной стороны, в таком восприятии преуменьшаются масштабы гражданской войны между сторонниками независимости, представленными Авами Лиг, и «лоялистами», сторонниками сохранения союза с Пакистаном. С другой стороны, не учитываются антииндийские настроения, унаследованные от территориального «раздела» 1947 года с его массовыми убийствами и насильственным перемещением населения.

«Сирота» и «вдова»

Толчком к политическому кризису в Бангладеш послужили протесты, вспых-

нувшие в университетских кампусах, в связи с тем, что правительство вновь ввело механизм квот для новых сотрудников государственной администрации: треть мест в ней резервируется для «мухти», ополченцев, выступавших за отделение от Пакистана во время конфликта 1971 года, и их потомков. Это часть клиентелистской логики, с помощью которой Авами Лиг обеспечивает себе электоральную базу и монополизирует контроль над местными администрациями. По мнению некоторых наблюдателей, в условиях высокого уровня безработицы и неполной занятости среди молодёжи, особенно среди выпускников вузов, а также стагнации социального лифта эта мера была расценена как «нарушение общественного договора». С 1990 года и по сей день политическое противостояние в Дакке сосредоточено на соперничестве между «национальной сиротой» Хасиной, создавшей культ собственного отца, и «вдовой» Халедой Зия, главы НПБ, приходившей к власти в начале 1990-х и затем в начале 2000-х годов.

Зия является вдовой генерала Зиаура Рахмана, основателя НПБ и одного из зачинщиков переворота 15 августа 1975 года. Прошедший подготовку в пакистанской армии, Зиаур стремился «дисциплинировать Бангладеш», либерализовав экономику страны после шквала национализаций, проведённых Муджибуром. По мнению Виллема Ван Шендела, специалиста по истории Южной Азии из Амстердамского университета, Зиаур вдохновлялся моделью «модернизации сверху», которую реализовывал в Пакистане режим генерала Аюб Хана, находившегося у власти с 1958 по 1969 год.

Однако в 1981 году Зиаур был убит в ходе нового военного переворота, и его место занял генерал Х.М. Эршад, основавший собственную партию «Джатию», которая в свою очередь была свергнута в результате волны народных протестов в 1990 году. Восстановление парламентской демократии привело к подъёму НПБ под руководством Зии («*A history of Bangladesh*», 2020). Если Авами Лиг и НПБ являются представителями светского национализма, то третьей силой, регулярно запрещающей различными правительствами, выступает исламистская партия Джамаат-и-Ислами. Она относится к более фундаменталистской части бенгальского исламизма, для которого характерна синкретическая традиция. В Бангладеш проживает множество религиозных меньшинств, в том числе 13 миллионов индуистов, и этот фактор играет важную роль в расчётах Дели. Как и в 2007–2009 годах, когда для урегулирования конфликта между партиями армия назначила техническое правительство, сегодня вооружённые силы поддержали выдвижение 84-летнего лауреата Нобелевской премии мира Мухаммада Юнуса, политического оппонента Хасины и персонажа, уважаемого студенческим движением.

Становление бенгальского национализма

По мнению Ван Шендела, государственные структуры на индийском субконтиненте сложились на основе разнообразного наследия британского колониального правления; одним из примеров является «общинное представительство», основанное на этноконфессиональной, кастовой и конфессиональной структуре, которое Лондон

и администрация раджей унаследовали от Ост-Индской компании. Истоки бенгальского национализма, как и антиколониального движения в Индии, лежат в студенческой среде конца XIX века и нашли своё выражение в Мусульманской лиге. Её дебютом стали демонстрации 1905–1911 годов против административного разделения Бенгалии Лондоном – меры, с помощью которой последний предполагал отделить требования политического представительства исламской общины от требований индуистов, уже представленных через Партию Конгресса. Это движение приобрело также террористические формы, опираясь, по словам Ван Шендела, на «русских народников, ирландский национализм и итальянские общества карбонариев».

Лондон отказался от административного раздела Бенгалии, который закрепил бы изоляцию Дакки от промышленной и экономической столицы раджей Калькутты. Однако британская операция углубила политический раскол между Мусульманской лигой и Конгрессом, учитывая, что последний поддерживал раздел. В 1943 году потребности военной экономики Лондона стали причиной одной из величайших исторических травм региона: голод в Бенгалии, унёсший около 3,5 миллиона жизней, усилил враждебность к британскому управлению.

Раздел и война

Второй травмой стало «разделение» субконтинента на конфессиональной основе в 1947 году с созданием Пакистана как «государства индийских мусульман». Помимо огромной вынужденной миграции миллионов людей, это повлекло за собой гибель около миллиона человек в результате столкновений между общинами, особенно в Бенгалии и Пенджабе. Пакистанский эксперимент стал первым современным государством, наряду с Израилем, созданным на религиозной основе и объединившим сто миллионов мусульман, среди которых относительное большинство составляли бенгальцы.

С географической точки зрения это была аномалия: Западный Пакистан столицей в Равалпинди, а затем в Исламабаде, и Восточный Пакистан с административным центром и парламентом в Дакке разделяло около 2.000 км индийской территории. Центром государственного управления был исламский Пенджаб, где проживало большинство военных кадров и была наиболее развитая экономика.

Восточный Пакистан, лишившись экономической связи с промышленным районом Калькутты, представлял собой в основном сельскую местность и служил источником ресурсов и рабочей силы для развития западной части страны – говорили даже о «колониальном господстве» Исламабада.

По мнению индийского историка Сринатха Рагхавана, причиной разрыва соглашения 1947 года стало требование Авами Лиг о предоставлении политической и экономической автономии, переросшее в 1966 году в манифест о федеральной или конфедеративной реорганизации государства, а затем и кризис военного режима Аюб Хана, вызванный студенческими волнениями «пакистанского 68-го года» – плода экономического развития и подражания западным протестам.

Репрессии против Авами Лиг со стороны исламабадских военных и активизация бенгальских партизан, поддерживаемых Дели, привели к третьей национальной травме – войне за независимость 1971 года. В конфликте, как отмечает Рагхаван, были замешаны Дели, Исламабад, Вашингтон, Пекин и Москва. Победа Индии в результате прямого военного вмешательства в декабре 1971 года санкционировала как независимость Бангладеш, так и утверждение Индии в качестве державы-гегемона на субконтиненте. Эта гегемония подвергается пересмотру в связи с возвышением Китая в последние два десятилетия, и фактически даже последние события свидетельствуют о сокращении влияния Индии в пользу влияния Китая.

Призраки Китая в Дели и Токио

Причём сама Хасина, опираясь на поддержку Дели, проводила политику многовекторности, налаживая прочные торговые отношения с Пекином и даже присоединившись к Шёлковому пути в 2015 году.

Как отмечает *India Today*, её падение создаёт ещё один очаг нестабильности в индийском ближнем зарубежье, которое называют «огненным кольцом», состоящим из нестабильных, питающих недоверие или открыто враждебных к Дели государств: Непала, Шри-Ланки, Мальдив, Пакистана и, наконец, Мьянмы, с 2021 года пребывающей в состоянии кровавой гражданской войны, которая может перекинуться и на Бангладеш, и на северо-восток Индии.

По мнению Шившанкара Менона, бывшего советника по национальной безопасности, «индийский истеблишмент ведёт себя так, будто Индия перешагнула через своих соседей», поэтому Дели «кажется более заинтересованным в Большой двадцатке, США и России». Хуже того, БДП проводит внутреннюю политику, ориентированную на ценности общин и индуистского шовинизма, «в то время как её главные соседи – мусульмане». С тревогой оценивают ситуацию и в Токио – крупном спонсоре, оказывающем экономическую помощь Дакке с 1972 года. По мнению газеты *Санкей Симбун*, рупора японских националистических правых, Южная Азия с её кризисами «подвержена интервенционистским действиям великих держав по созданию сфер влияния». А в контексте китайско-американского соперничества она рискует превратиться в «спичечный коробок, готовый вспыхнуть».

По мнению Йомицури Симбун, ведущей ежедневной газеты Японии, игра в Дакке – это не китайско-индийское соперничество: «Япония – ведущий спонсор Бангладеш, она развивает там порты и инфраструктуру и имеет более 300 компаний». Намекается, что она может уравновесить китайское влияние, возможно, в сотрудничестве с Дели.

Сотни смертей – трагическая цена за первый политический опыт бенгальских студентов. Он накладывался на жестокие репрессии, которые режим в последние месяцы обрушил на забастовки молодого и боевого текстильно-швейного пролетариата. Это благодатная почва для формирования классовой автономии среди тех, кто не поддается на уловки течений бенгальской буржуазии.

Выборы в США

Джексонианский миф
о Трампе и Вэнсе

«If He Wins» («Если он победит») – в интервью под таким заголовком для обложки *Time* Дональд Трамп заявил, что в случае избрания он никогда, «за исключением первого дня», не будет вести себя как диктатор; он введёт универсальный минимальный тариф на импорт в размере 10 %, депортирует миллионы нелегальных иммигрантов, прекратит войну между Россией и Украиной «за 24 часа» и не будет защищать союзников, которые недостаточно платят за собственную защиту. Бывший президент вспоминает: «Когда я впервые приехал в Вашингтон, я знал очень мало людей. Мне приходилось полагаться на людей [знакомых с государственной машиной]. Во второй раз, пишет *Time*, всё будет иначе: «Брак, заключённый с боязливыми сторонниками Республиканской партии, расторгнут; старая гвардия побеждена, и оставшиеся люди принадлежат ему. Трамп вступит на второй срок при поддержке ряда политических агентств, управляемых лояльными ему людьми, разработавшими подробные планы для осуществления его повестки».

В случае переизбрания, уверяют советники, администрация удивит своей «быстротой». Консервативный Heritage Foundation в своём документе «2025 Presidential Transition Project» уже составил повестку и выбрал тысячи имён, с помощью которых можно преобразовать вашингтонскую бюрократию.

Пекинский Центр по Китаю и глобализации (CCG) также заметил это после посещения американских аналитических центров в конце 2023 года: знаменитые мозговые центры, такие как Совет по международным отношениям в Нью-Йорке и Бруклинский институт в Вашингтоне, страхуются и делают свои ставки с учётом неопределённости, связанной с президентскими выборами, меняя свою линию во внешней политике или по крайней мере встраиваясь в новый консенсус, враждебный Китаю.

Азия прежде всего?

В число соавторов «2025 Project» Heritage Foundation входит Элбридж Колби – экс-помощник заместителя министра обороны с 2017-го по 2018 год, во время президентства Трампа, курировавший написание «Национальной оборонной стратегии» 2017 года; он сотрудничает с Центром по новой американской безопасности Курта Кэмпбелла – «царя» по вопросам Азии в администрациях Обамы и Байдена. По мнению Колби, Вашингтон не может одновременно вести две войны – против Москвы и Пекина, а растущий государственный долг заставит выбрать стратегические цели.

Логика, которая отдавала приоритет Европе и СССР в холодной войне, заключалась в том, чтобы не дать потенциальному сопернику Соединённых Штатов установить гегемонию над главным промышленно развитым регионом мира; и сегодня, независимо от того, кто победит на президентских выборах, та же логика приведёт к концентрации американской энергии на азиатском и, в частности, китайском направлении. На Среднем Востоке Иран не имеет потенциала стать гегемоном. В *Financial Times* Колби заверяет, что не хочет бросать европейцев, но стремится побудить их взять бремя собственной защиты на себя.

Перед началом войны на Украине в «The Strategy of Denial» (2021) бывший соратник Трампа писал: «Наиболее правдоподобной альтернативой России как

стране, стремящейся к гегемонии в Европе, вероятно, является Европейский союз. Это не означает, что Соединённые Штаты должны выступить против любой степени европейской интеграции. Они заинтересованы в том, чтобы Европа была достаточно стабильной и могла действовать согласованно по вопросам, представляющим взаимный интерес. Но это не означает, что США выиграют, если ЕС или его преемник станут по-настоящему единым образованием, способным установить региональную гегемонию».

Америка прежде всего

Трамп выбрал своим кандидатом в вице-президенты писателя и инвестора Джеймса Д. Вэнса, своего прежнего критика, который занялся политикой лишь в 2022 году, когда был избран сенатором от Огайо при поддержке Питера Тилля, миллиардера из Кремниевой долины, связанного с военным сектором.

Вэнс появился на национальной сцене с выходом «Hillbilly Elegy» – романа 2016 года, который в 2020 году экранизировал Netflix. В книге история отдельной семьи представляет собой версию американской мечты среднего класса, начиная с грубой шотландско-ирландской психологии и заканчивая трудностями миграции из Аппалачей в ржавый пояс континентального чрева.

Бабушка и дедушка Вэнса иммигрировали из аппалачского сельского района в Кентукки на заводы Огайо, и здесь реструктуризация автомобильной промышленности, лишения и оторванность от родных мест вынудили большую семью обратиться за получением food stamps (продовольственных талонов) в рамках федеральной программы, которая предоставляла помощь в покупке продуктов питания налогоплательщикам, задекларировавшим низкий доход или его отсутствие. «Элегия» продолжается реакцией самого Вэнса, который присоединился к морской пехоте в качестве корреспондента военных новостей, окончил Йельскую школу права и устроился на работу в крупную юридическую фирму. Наконец, он получил признание в обществе как инвестор после удачного присоединения к команде Тилля. Эта история обращается даже не к самым небогатым и забытым слоям общества, а, скорее, к промежуточным слоям, убеждённым в том, что они понижены в статусе, потому что их уровень жизни больше не растёт теми темпами, которые, как они думали, были гарантированы. Игра на ностальгии по американской мечте, по мнению многих комментаторов, должна иметь успех на выборах.

Отвечая Россу Даутату, консервативному обозревателю *New York Times* и благожелательно настроенному интервьюеру, Вэнс определяет себя как «реалиста» во внешней политике, основываясь на «трёх столпах»: отказе от «моралистического» разделения международных акторов на «хороших и плохих»; создании военной силы на базе собственной промышленности; предположении, что в «многополярном мире» Вашингтону понадобятся союзники, которые позволят ему сосредоточиться на сопернике следующих 20–30 лет, а именно на Китае. В этом смысле Москва представляет меньшую опасность: Вэнс предлагает провести переговоры по Украине, в ходе которых заморозить границы «возле» нынешнего фронта и предоставить Киеву «нейтралитет». Таким образом, вооружения, ко-

«PROJECT 2025» ОТ HERITAGE FOUNDATION

Heritage Foundation был основан в 1973 году при поддержке колорадского пивовара немецкого происхождения Джозефа Курса, чей отец был поклонником сенаторов Роберта Тафта (Огайо) и Джо Маккарти (Висконсин). По мнению историка англосаксонского общества Доминика Эндбрука, восхождение фонда произошло на фоне морального неблагополучия, вызванного Уотергейтским скандалом и войной во Вьетнаме, и тревоги, вызванной экономической реструктуризацией («Mad as Hell», 2011). По мнению историка экономики Дэвида М. Коца, когда кейнсианские установки оказались в кризисе, либертарианцы из Heritage Foundation начали вносить свой вклад в новый неоллиберальный консенсус («The Rise and Fall of Neoliberal Capitalism», 2015). Столь же фундаментальную роль играла и поддержка компаний с Запада – честолюбивых, но не входивших в истеблишмент, – крупных групп со Среднего Запада и Юга, а также финансистов Нью-Йорка (Phillips-Fein K., «Invisible Hands», 2009).

Heritage Foundation объединил более 100 консервативных организаций, действующих как на уровне штатов, так и на федеральном уровне, в коалицию, отражающую региональные и экономические интересы и политическую психологию, близкие к тремизму. Консерваторы, к которым он обращается, всегда определяли себя через религиозные ценности и свободу от налогового давления; они считают важными прерогативы отдельных лиц и штатов по отношению к федеральной власти, а также сдерживание иммиграции и опору на внешнюю силу во внешней политике, неотъемлемой частью которой является резкость в отношении Пекина.

Фонд утверждает, что в основу «2025 Project», с которым он обратился к Трампу, лёг «мандат на лидерство» – документ, созданный тем же фондом, который имел огромное влияние на президентские администрации, начиная с Рейгана. Конкуренция между амбициозными академическими учреждениями за привлечение новых финансистов является «жесточкой», объясняет атлантика Эвелин Жослен, французская исследовательница взаимоотношений между правительством и мозговыми центрами («L'Amérique des think tanks», 2006). Когда Heritage Foundation утверждает, что Трамп в свой первый срок получил от него «64 %» всех рекомендаций и «около 70» экспертов, он просто рекламирует своё влияние. Соучредитель Heritage Foundation Эдвин Фелнер говорит, что 1.093 страницы, подготовленные для Рейгана в 1980 году, санкционировали восхождение организации из чрева Америки во главу страны. С тех пор аналитический центр собирал свои предложения в объёмные тома. В сегодняшних рекомендациях заметное место отводится потребностям групп из секторов ископаемой энергетики, обороны и высоких технологий с Юга (из Колорадо и Калифорнии), и многие бывшие чиновники администрации Трампа считают «2025 Project» способом ещё раз представить себя в качестве элиты антиистеблишмент-специалистов.

которые до сих пор отправляются на эту шахматную доску, могут быть сконцентрированы в Азии в целях сдерживания Китая. Однако Вашингтону не следует заверять Тайвань в своей прямой поддержке в случае китайской агрессии, но нужно продолжать прикрывать свой ответ «стратегической двусмысленностью».

Джексонианский реализм

Time, публикуя два длинных интервью с Трампом и беседы с более чем десятком его ближайших советников и доверенных лиц, показывает, как кандидат от Республиканской партии часто противоречит сам себе, не позволяя собеседнику понять его истинные намерения. «Если он победит», то, по мнению нью-йоркского журнала, Трамп будет использовать «транзакционный» подход к союзникам и противникам, а также «имперское президентство, которое изменит роль Соединённых Штатов в мире».

Роберт О'Брайен, бизнес-юрист в Лос-Анджелесе и Вашингтоне, а также советник Трампа по национальной безопасности в 2019 году, объясняет в *Foreign Affairs*, что «Трамп высокого мнения о своём предшественнике Эндрю Джексоне и его подходе к внешней политике: будьте сосредоточены и сильны, когда вас заставляют действовать, но остерегайтесь эксцессов».

«Друзья» Вашингтона будут «в большей безопасности», но они также должны быть более «самостоятельными»; враги «снова будут бояться американской мощи». Но вопрос о том, насколько правильно это понимание американской стратегии альянсов, десятилетиями направленной именно на предотвращение или по крайней мере снижение самодостаточности «союзников», остаётся открытым в американских дебатах. Конечно, как мы уже писали в нашей газете, параллельно утверждающаяся в Германии и

Японии *Zeitenwende*, в любом случае изменит их старые отношения с США. Даже Уолтер Рассел Мид, оригинальный исследователь американской политической культуры, считает Трампа «бесспорным наследником» Джексона, первого президента-демократа в 1829–1837 гг., а джексонианский подход – наиболее репрезентативным для глубинной Америки среди всех политических течений. Джексонианцы «глубоко скептически относятся» к экономическому и политическому истеблишменту, от которого они «требуют разумных решений сложных проблем»; они поддерживают армию, «но не тот класс офицеров, который считается далёким от ценностей и обычаев нации»; они полагают, что политический класс «глубоко и необратимо коррумпирован».

Во внешней политике «джексонианцы не чувствуют необходимости распространять демократию по всему миру», но являются «инстинктивными реалистами». И ещё: «В отсутствие серьёзных угроз Америке джексонианцы мало интересуются иностранными делами. Но когда на Соединённые Штаты нападают, они считают, что любая мера защиты оправдана». Неудовлетворительные итоги «бесконечных» войн в Ираке и Афганистане заставили их презирать военное присутствие США на Среднем Востоке, но это не изменило «их отношения к международной политике и необходимости сильной обороны» в последние годы, когда «в качестве главного врага» начал рассматриваться Китай. Джексонианская Америка, заключает Мид, «любит сильных лидеров», даже членов Демократической партии. Джексонианцы «скептически» относятся к политике, но «их вера и однажды оказанная лояльность прочны», и исторически это придавало «джексонианским лидерам политическую гибкость».

Тандем Харрис – Уолз возобновляет гонку

Почти 4 года назад, в преддверии выборов президента США 2020 г., *Wall Street Journal* от 12 августа написала: «Когда Камала Харрис присоединилась к команде Байдена, Уолл-Стрит вздохнула с облегчением». Увлечение части финансистов с Уолл-Стрит Камалой Харрис восходит к электоральному циклу 2019–2020 гг., когда тогдашний кандидат в президенты Джо Байден выбрал её своим вице-президентом.

Бумажник Уолл-Стрит

13 июля, после покушения на Дональда Трампа, положение Демократической партии казалось отчаянным. Видя свободное падение рейтинга президента Байдена в опросах, лидеры демократов быстро отбросили свои разногласия, вынудили его уйти и решили ввести в президентскую гонку нынешнего вице-президента Харрис. Вероятно, это была политическая операция, готовившаяся некоторое время, но она удивила всех своей быстротой и вернула Демократической партии шанс на президентских выборах в ноябре.

Однако условия для этого выбора уже были заложены в компромиссе, достигнутом на праймериз Демократической партии 2020 г. Сам президент Байден в интервью CBS 11 августа сказал: «Когда я баллотировался в первый раз, я рассматривал себя как переходного президента». Реконструировать события, которые заставили его поменять мнение и упорно цепляться за своё место, а затем наконец согласиться уйти на пенсию, будут уже историки будущего.

Что касается выдвижения Харрис, стоит взглянуть на президентскую гонку 2020 г., когда Байден выбрал её вице-президентом. Уже тогда, в августе 2020 г., *Wall Street Journal* выразила поддержку кандидатуре Харрис на пост вице-президента, поскольку возраст Байдена, которому тогда было 77 лет, давал ей высокие шансы занять его место.

Во время праймериз Демократической партии Харрис произвела впечатление на финансистов Уолл-Стрит своей позицией – консервативной в фискальном и либеральной в социальном отношении. В этом плане она находилась в гармонии со своими высокими финансовыми покровителями: полная индивидуальная свобода, не затрагивающая при этом интересы крупных промышленных и финансовых групп американского капитализма. Эта индивидуалистическая идеология – либеральная в вопросах так называемых гражданских прав и консервативная в экономике – заставила Уолл-Стрит открыть свой бумажник уже в 2020 г. Сегодня любовь американских финансистов к Камале Харрис быстро возродилась.

2 августа этого года агентство *Associated Press* написало, что уход Байдена только за июль принёс в кассу Харрис огромную сумму в 310 млн долл. *OpenSecrets* (сайт, отслеживающий финансирование выборов) писал 12 августа 2020 г., что Харрис применила всё своё мастерство по сбору средств в президентской гонке и уже находилась на пути к рекордной сумме. В этом году прежний рекорд она уже побилла.

Связь с Чикаго

К августу 2020 г. Байден и Национальный комитет Демократической партии почти догнали тогдашнего президента

Трампа по объёму денежных средств, собрав на счёт в банке 295 млн долл. против 300 млн долл. В этом году, опять же, по данным *Associated Press*, Харрис начала август с 377 млн в кассе – это сумма, которую не собирал ни один кандидат в президенты в американской истории на этом этапе избирательной кампании и которая гораздо выше 327 млн, собранных в поддержку избрания Трампа.

Ранее нынешние спонсоры Камалы Харрис решили приостановить финансирование Байдена, чтобы заставить его уйти в отставку. *Демократия денег* сработала и на этот раз. Организаторы кампании Харрис утверждают, что помимо сбора средств они привлекли 170 тыс. новых волонтеров и провели 2.300 мероприятий.

По сообщению телеканала CBS от 5 августа, видные республиканцы из Иллинойса поддержали Харрис, создав коалицию “*Republicans for Harris*”, призванную мобилизовать и убедить избирателей-республиканцев. Среди её самых известных сторонников в Республиканской партии – экс-губернатор Иллинойса Джим Эдгар, экс-министр транспорта Рэй Лахуд и экс-конгрессмены Адам Кинзингер и Джо Уолш. Последний полагает, что теперь на этот шаг готово пойти большее число членов республиканского истеблишмента.

Чикаго – город, с которого началась президентская кампания Барака Обамы, когда он бросил вызов Хиллари Клинтон на праймериз 2008 г. Уже в 2020 г. Харрис заручилась поддержкой члена важной политической династии из Чикаго – Дейли. Когда она была выбрана вице-президентом, Билл Дейли, руководитель отдела по связям с общественностью *Wells Fargo & Co.*, бывший руководитель администрации президента Обамы с января 2011-го по январь 2012 г. и ранее министр торговли США при президенте Клинтоне, заявил: «Я думаю, что она – разумный, рациональный человек, работавший в системе. Она прогрессивная? Да. Она хочет сжечь здание? Нет. Я думаю, она хочет укрепить здание» (*Wall Street Journal*, 12 августа 2020 г.). *Wells Fargo & Co.* – американская транснациональная компания, предоставляющая финансовые услуги, присутствующая в 35 странах и имеющая 70 млн клиентов по всему миру.

Если Нью-Йорк является финансовой столицей США, то, чтобы понять один из компонентов коалиции в поддержку пары Харрис – Уолз, нам нужно отправиться в Чикаго – политическую столицу страны. Харрис в определённой степени выражает коалицию, которая уже существовала в администрации Обамы (Коалиция Обамы объединяет интересы региональных фракций // Бюллетень “*Интернационалист*”. 2009. Апрель. № 89).

SiliconValley

Продолжим разговор о 2020 г., чтобы показать, что выдвижение Харрис было предопределено заранее. Избранная в Сенат в 2016 г., ранее занимавшая должности окружного прокурора Сан-Франциско и генерального прокурора Калифорнии, она считалась человеком, связанным с технологической индустрией. Об отношениях между финансистами, Кремниевой долиной и Харрис мы писали в октябрьском номере “*Пролетарского интернационализма*” за

2020 г. в статье “Камала Харрис заручается для Байдена поддержкой Big Tech”. Согласно *Wall Street Journal* от 12 августа 2020 г., Кремниевая долина считала Харрис своей.

В этом году ситуация другая, и её последствия пока предсказать нельзя: часть Кремниевой долины во главе с владельцем Tesla и Space X Илоном Маском поддерживает и финансирует Трампа, потому что опасается вмешательства правительства в регулирование их бизнеса. Маск перенёс свой бизнес из Калифорнии в Техас и бросает вызов финансовой мощи Западного побережья. Реакционно-либертарианский компонент, частью которого является Маск, имеет глубокие корни и считает, что технократия во главе с одарёнными миллиардерами может положить конец социальным конфликтам. В американской истории уже были те, кто бросал вызов финансовой мощи Уолл-Стрит, – крупные промышленники к западу от Аппалачей, – но до сих пор они всегда проигрывали.

Несмотря на фронду Маска, Кремниевая долина является потенциальным союзником Харрис, поскольку президентская администрация Байдена никогда не призвала к расчленению таких технологических гигантов, как Google и Amazon.

Скандинавский реформизм Миннесоты

Даже выдвижение кандидата в вице-президенты Тима Уолза не было импровизацией. *New York Times* от 7 августа пишет: «*Внезапный взлёт Тима Уолза в Демократической партии не был случайностью*». По данным нью-йоркской газеты, более года назад Уолз и его команда решили, что нужно быть готовыми, если представится соблазнительная возможность. Губернатор Миннесоты Уолз тогда привёл свою партию к убедительной победе и задался вопросом, есть ли шанс, что его бренд из Среднего Запада сможет сыграть важную роль на национальном уровне, возможно, даже в президентском списке. Уолз и его команда работали 18 месяцев, чтобы воспользоваться возможностью, как только она представится.

В Миннесоте 32,1 % населения имеют немецкое происхождение по сравнению со средним показателем по Америке 13,4 %. Кроме того, 13,9 % имеют норвежское и 7,6 % шведское происхождение. В этом штате проживает больше жителей со шведскими корнями, чем в любом другом (APM Research Lab, “*Roots Beyond Race*”). Корни местного населения принесли в этот штат социал-демократические реформистские традиции Северной Европы, простирающиеся от Северной Германии до скандинавских стран.

Выдвижение Уолза может быть показателем направления будущей политики гипотетического президентства Харрис. Миннесота, расположенная к северо-западу от Чикаго, может использовать символизм воссоединения с реформистской политической традицией этого штата, из которой уже вышли два вице-президента и кандидата в президенты – Хьюберт Хамфри (1911–1978) и Уолтер Мондейл (1928–2021). Миннеаполис – мировой финансово-промышленный центр, где расположены штаб-квартиры 14 транснациональных корпораций из списка “*Fortune 500*”. Уже

4 июня 2023 г. обозреватель Э. Дж. Дионн – младший написал в *Washington Post*: «*“Миннесотское чудо” должно послужить образцом для демократов*». Он процитировал Обаму, который сразу после промежуточных выборов сказал: «*Если вам нужно напоминание о последствиях выборов, взгляните на то, что происходит в Миннесоте*».

По сообщению *The Hill* от 13 августа, кампанию тандема Харрис – Уолз возглавляет Джен О’Мэлли Диллон, доверенное лицо Обамы, которая, похоже, повторит его победную стратегию 2008 г.

Чтобы на Западе сложилась электоральная коалиция Сан-Франциско, Миннеаполиса, Чикаго и Уолл-Стрит, ей придётся обратить свой взгляд на Восток – в сторону промышленного сердца, десятилетиями находящегося в структурном кризисе: Детройта в Мичигане, а также Питтсбурга и Филадельфии в Пенсильвании, то есть в штатах, которые в 2016 г. принесли победу Трампу. Тандем демократов также нацелен на Джорджию на глубоком Юге и на Неваду и Аризону на Юго-Западе – это позволяет увеличить шансы на успех в случае, если партия не получит поддержку решающего штата Пенсильвания. Именно в рамках этой перспективы Харрис уже побывала на митингах в Милуоки (Висконсин), Филадельфии (Пенсильвания), Детройте (Мичиган), Атланте (Джорджия), Лас-Вегасе (Невада) и Финиксе (Аризона).

С уходом Байдена игра, которая, казалось, была проиграна демократами, возобновилась, и на её исход влияют всё те же константы, которые наблюдаются на президентских выборах в США десятилетие за десятилетием.

Lotta comunista, июль – август 2024 г.

В. И. НЕВСКИЙ

История РКП(б). Краткий очерк.

Издательство
АНО «ЦМИ «Новый Прометей»»,
2009 804 страницы,
твёрдый переплёт,
автобиография автора,
приложения,
статьи В. И. Невского
«Ленин как материалист
в своих ранних работах»,
«Философия мёртвой реакции»,
карты, схемы и иллюстрации,
примечания, хронология,
библиография,
биографический справочник,
справочник периодических изданий

ISBN: 978-5-9901606-1-3

Цена 450 руб.

Гиганты Азии

Шанхай, Гуанчжоу и Пекин

ВОЗГЛАВЛЯЮТ СОЦИАЛЬНУЮ РЕСТРУКТУРИЗАЦИЮ

Согласно анализу Лу Мина, директора Института национальной экономики в Университете Цзяо Тун в Шанхае, в текущей реструктуризации маятник равновесия властей между центром в Пекине и китайскими провинциями склонился в сторону местной инициативы. Новая децентрализация, однако, основывается на жёстких мерах, принятых в течение первых двух сроков Си Цзиньпина, и на политическом признании крупных региональных кластеров вокруг таких суперпровинций, как Гуандун, Шанхай, Пекин и, во вторую очередь, Чэнду-Чунцин. По мнению этого эксперта, представляющего один из крупнейших центров Голубого Китая, оба движения¹ должны благоприятствовать сильным прибрежным провинциям. Политическая централизация обеспечивает единство внутреннего рынка и свободный приток рабочей силы в метрополию, но не должна ввязываться в неэффективное перебалансирование региональных дисбалансов. Именно за это Шанхай критикует политику Ху Цзиньтао, вплоть до экономических дотаций в ответ на кризис 2008 года. Движение децентрализации в направлении суперпровинций требует, чтобы централизация продолжала дисциплинировать Жёлтый Китай.

Это урок централизма, выученный Шанхаем – провинцией, разделённой во время культурной революции и исключённой из процесса принятия решений вплоть до возвращения на вершину плюралистической централизации во времена Цзян Цзэмина и Чжу Жунцзи. Тогда говорилось о том, что Цзян мог вернуть Шанхай к управлению Драконом только на условии, что он будет выражать генеральную линию «пяти озёр и четырёх морей» (ключевых зон и региональных властей), а не представлять в Пекине интересы одного лишь эксцентричного мегаполиса. Чжу Жунцзи, китайский Гамальтон, провёл централизацию налоговой и монетарной систем, выполнив завещание Чэнь Юня: только таким образом Шанхай мог привести Китай в ВТО. Неудивительно, что коалиция Си Цзиньпина, в которую входит немало выходцев из дельты Янцзы, возвращается к централизации перед лицом глобальных вызовов.

**Реформистское использование
фискального компромисса**

Лу Мин предупреждает: «Не будет преувеличением утверждать, что фискальные отношения между центральным и местными правительствами всегда представляли собой «ключевой момент» реформы китайской экономической системы» («Great power economics», Shanghai, 2023). Период «реформ и открытости» с 1978 по 1993 год привёл к «очевидной потере контроля»: доля центра в распределении налоговых сборов упала до 22 %, а провинции уклонялись от уплаты. Чжу Жунцзи натолкнулся на «сильное сопротивление» и был вынужден сопроводить фискальную реформу 1994 года «некоторыми уступками местным правительствам». Доля центра увеличилась с 22 % до 56 %, а налоговые сборы – с 10 % до примерно 20 % ВВП. Эти изменения, по словам Лу, были результатом компромисса, и основной почвой для «консенсуса» с провинциями были сроки реформы.

Настоящая фискальная централизация была проведена в 2000 году, по-

скольку во время переходного периода согласованные в 1994 году перечисления происходили только в форме «бухгалтерских деклараций». Налог на доход оставался в руках провинций вплоть до 2002 года, когда он был поровну разделён с центральным правительством; в 2006 году был отменён сельскохозяйственный налог, «действовавший в Китае более двух тысяч лет»; в 2019 году подоходный налог был полностью передан центру. Налог на добавленную стоимость заменил налог на прибыль, который привязывал провинции к местному государственному капиталу.

Налог на передачу земельных участков был оставлен местным правительствам, став заменой прежнему налогу на предприятия в качестве основного источника пополнения местного бюджета: провинции перешли от «управления предприятиями» к «управлению городами». В будущем, налог на имущество, «находящийся на стадии эксперимента», должен пойти в провинции: он может стать одним из рычагов для финансирования социальной защиты в рамках политики «общего процветания».

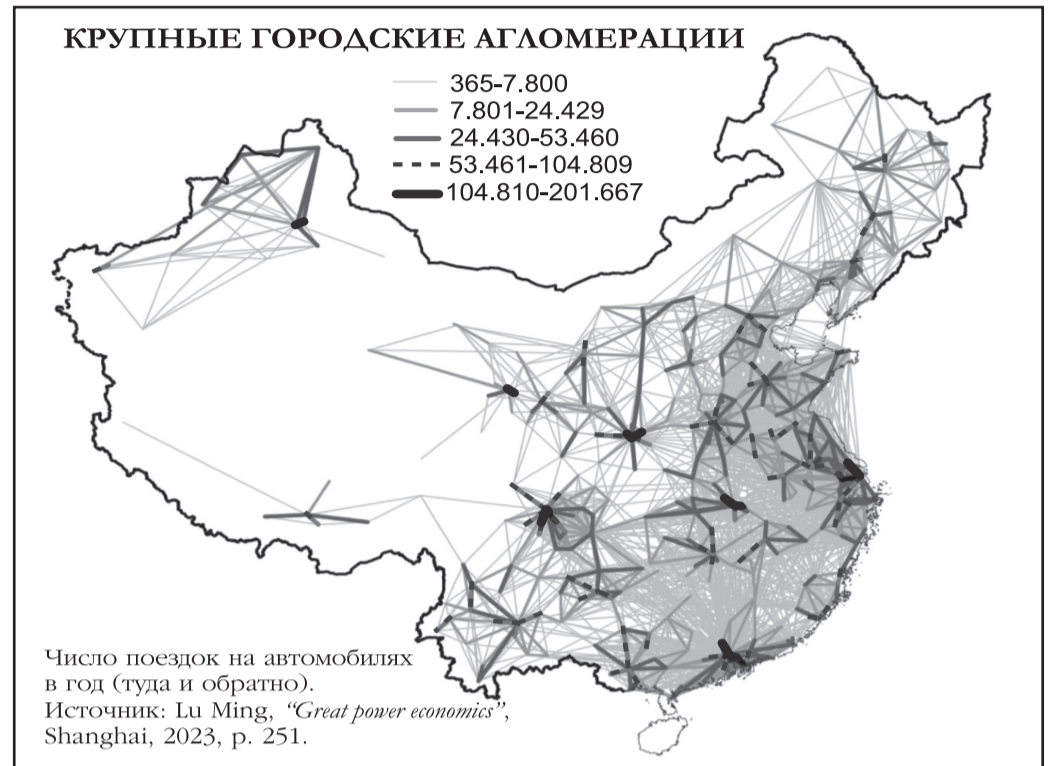
**Ограничение
на передвижения**

Социальные расходы стали прерогативой местных властей, но, по словам Лу, все вопросы, связанные с передвижением рабочей силы, должны оказаться в «совместной компетенции» центра и провинций, чтобы гарантировать единообразие. Система центральных передвижений, введённая Чжу Жунцзи, должна была «сократить фискальные отношения на местах между властями и предприятиями, стимулируя интеграцию рынка», но сегодня такая система недостаточно ограничивает провинции. Центральное правительство должно аккумулировать большую часть поступлений и «ограничивать и регулировать» местные правительства через большее обусловливание их расходов. Эта реформа была запущена в 2016 году, умеренно укрепив центральную финансовую власть и сократив «обязательства» расходов местных бюджетов.

В институциональном плане реформа упорядочивает компетенции центра, местных властей и «совместные компетенции», включая в число последних «расходы, связанные с движением рабочей силы между регионами, пенсиями, здравоохранением и образованием». Также она «разрушает изначальную трихотомию Востока, Центра и Запада», вводя новую классификацию провинций на основе пяти уровней передвижений. Налоговые вопросы, безусловно, сложны; нас в данном случае особенно интересует определить региональные интересы, которые проявляются и на этой почве. Шанхай может поддержать фискальный централизм, который бы обуславливал и регулировал расходы, если он учитывает новые демографические и экономические пропорции в процессе реструктуризации.

**Изменение баланса
в пользу Юго-Востока**

Лу Мин считает, что реформа миграционной политики (реформа хукоу и связанные с ней административные и фискальные аспекты) приобретает стратегическое значение. «Передвижение населения в сторону более производительных областей» является ключом

к смягчению «исчезновения демографического дивиденда» и поддержке китайской реструктуризации, но не только: «Если Китай обеспечит более свободное передвижение населения и сконцентрирует его в ключевых зонах и городских агломерациях» суперпровинций, отличающихся большей производительностью, внутренние различия должны будут сократиться. Лу критикует теории «гармоничного развития» Ху Цзиньтао, который стремился к «недостижимо сбалансированному развитию через равное распределение», препятствуя внутренним миграционным потокам и жертвуя эффективным распределением ресурсов. Напротив, демографическая концентрация в развитых районах снизила бы там уровень дохода на душу населения, что привело бы к уменьшению региональных диспропорций. «Суть проблемы в том, что географическая концентрация населения не поспевает за географической централизацией экономики», но никак не наоборот. Упразднение хукоу не усилит региональные различия.

Экономист из Университета Цзяо Тун поддерживает переориентацию на прибрежные суперпровинции, предусмотренную Госпланом на 2025 и 2035 годы, но не пренебрегает и Чунцином, Чэнду и другими «второстепенные центры» Жёлтого Китая – главное, чтобы они не повторяли «торг между эффективностью и равновесием» начала двухтысячных. Тот период повлёк «огромные издержки», такие как «города-призраки» во внутренних регионах, характерные для пузыря на рынке недвижимости, и «моральный риск» местных долгов, отражавший различия в производительности. Недавнее сокращение Государственным советом планов по инфраструктуре в 12 областях с чрезмерной задолженностью подтверждает эту географию² (Financial Times, 13 марта).

**Империалистическая современность
крупных центров**

По мере дальнейшей «концентрации экономики и населения в нескольких зонах» Китай «сформирует три городские агломерации в прибрежных районах: Пекин – Тяньцзинь – Хэбэй, дельта Янцзы и Гуандун – Гонконг – Макао, – а также четвёртый центр с Экономиче-

ским кольцом Чэнду – Чунцин»; в других районах сформируются «региональные городские агломерации» вокруг Уханя, Чжэнчжоу и Сианя. Движения автомобилей уже сегодня показывают формирование однородных концентраций от 10 до 50 миллионов жителей радиусом в десятки километров: «Одновременно с экономикой концентрируется и население, и в этом процессе ВВП на душу населения и качество жизни от региона к региону постепенно достигнут сбалансированного развития». Равновесие региональных властей будет иметь новые фискальные, административные и, следовательно, политические отражения. Налоговое выравнивание должно поддержать демографический приток в крупные центры; «межадминистративное» агентство будет регулировать мобильность социальных расходов; «в долгосрочной перспективе будет установлено новое отношение между центром и регионами».

Крупные центры решительней подходят к социальной модернизации и глобальной открытости в борьбе за мировой рынок, но китайская реструктуризация усугубляет внутренние дисбалансы и встречает сопротивление. Долгое время, «с региональной перспективой», природные ресурсы Запада и обильная рабочая сила Центрального Китая питали «капиталы восточного региона». Сегодня «земля, труд и капитал» должны перекомбинироваться, и «корректировка отраслевой структуры промышленности» повлечёт очевидные региональные изменения: к примеру, Маньчжурия из «ржавого пояса» превратилась в «китайскую Айову» – агропромышленный центр, основанный на цикле «кукуруза – свиньи». Другие регионы тоже поменяют «кожу, мускулы и кости», но остаются «концептуальные задержки», а также существуют «институциональные и политические причины запаздывания китайской реструктуризации». Как и в эпоху Чжу Жунцзи, сегодня централизм крупной буржуазии должен учитывать компромисс с плюрализмом провинций.

Lotta comunista, июль – август 2024 г.

1 – Централизации и децентрализации.
2 – Мера была предпринята в отношении регионов Жёлтого Китая.

Редакционная новинка

Классовый принцип

Из предисловия к готовящейся к изданию книге *“La guerra di Gaza. Una rivista internazionale”*.

В Израиле «*есть буржуазия и пролетариат*». В арабских странах «*есть буржуазия и пролетариат*».

Надо безудержно повторять это. Именно тогда, когда разгорается фанатизм, крайне важно оставаться верным принципу интернационализма. Именно в самый тёмный час, после убийства 7 октября 1200 человек на юге Израиля, евреев, но также и азиатских иммигрантов в киббуцах, и после 40.000 жертв израильской расправы под обломками Газы, ужас не должен мешать осмыслению.

В июне 1967 года, в начале Шестидневной войны, классовый критерий был фундаментом интернационалистской стратегии Lotta Comunista, в то время небольшой группы, созданной рабочими и партизанами, которые вышли из Сопротивления, прошли через либертарный коммунизм и пришли к ленинизму. Именно тогда к организации стали присоединяться первые молодые люди.

Мы читаем в газете того времени, в редакционной статье «Против войны революция!»: «Арабские и израильские трудящиеся не имеют противоположных интересов», напротив, у них «общая судьба» быть эксплуатируемыми своими буржуазиями, в свою очередь связанными «в тесной сети капиталов, инвестированных на Ближний Восток, которая берёт начало среди старых и новых “Мекк” капитализма: Вашингтона, Лондона, Парижа, Бонна, Рима, Москвы, Токио». Также Пекина и всё чаще Нью-Дели, добавляем мы сегодня. Война выявила империалистический «потенциал итальянского общества»¹. Наряду с произраильским интервенционизмом, поддерживающим средиземноморскую политику итальянского империализма, был «левый интервенционизм» на стороне арабской буржуазии².

В конце этой книги помещены тексты, созданные для политического сражения вокруг войны 1967 года, а также другие, которые в последующие десятилетия развили и обогатили эту первоначальную картину. Мы обращаем внимание на один аспект. Решающим является осмысление трансформаций национального вопроса на трёх различных этапах коммунистической стратегии, отмеченных прогрессом глобального капиталистического развития.

Принципами суверенитета и национального самоопределения прикрываются фанатизм и смертоносные идеологии, инструменты военных мобилизаций; это справедливо в случае трагедии Газы, но верно и для других войн кризиса порядка, настоящих и будущих. Буржуазия Украины хотела стать суверенной в 1991 году при распаде СССР, но отказала в самоопределении русскому населению Донбасса и Крыма; Россия отрицает суверенитет Украины и требует собственного суверенитета над историческим пространством Новороссии, который начали колонизировать во времена Екатерины II, но при этом использует самоопределение Донбасса и Крыма. Буржуазия Западной Украины готова отказаться от суверенитета в пользу ЕС, буржуазия Восточной Украины сделала это в пользу России и Евразийского экономического союза, подтверждая, что реальным содержанием войны является империалистический раздел, а национальный вопрос в ней лишь используется. Назревает конфликт над водами Тайваньского пролива: Пекин претендует на суверенитет над островом, в Тайбэе

преобладают течения, выступающие за независимость от Китая; в Вашингтоне эти требования самоопределения используются теми, кто считает возможным укротить китайский империализм.

Кризис порядка демонстрирует: без серьёзной опоры на марксистскую теорию и интернационалистскую стратегию пролетарии окажутся на фронтах империалистической войны. В XIX веке, на восходящем этапе капиталистического развития, Маркс и Энгельс поддерживали национально-демократические революции в Европе там, где появление крупных государств, свободных от партикуляризма и бремени старых абсолютистских и феодальных режимов, способствовало бы созданию обширных национальных рынков, ускорению развития крупной промышленности и концентрации современного пролетариата в виде больших масс.

Ленин обновил эту стратегию для XX века империализма, когда капиталистическое развитие, двигаясь на восток, охватило славянские регионы, Ближний и Дальний Восток. Большевики использовали национальное самоопределение против *тюрьмы народов* — царистской империи; Коммунистический Интернационал до переворота, совершённого сталинизмом, поддерживал антиколониальные движения молодой азиатской буржуазии. Эпоха буржуазно-демократических революций, завершившаяся в Европе, повторялась в славянском регионе и Азии на «новых основаниях», утверждал Ленин. Так же, как делали Маркс и Энгельс в старой Европе, теперь в новых районах мирового капиталистического развития необходимо было поддерживать буржуазно-демократические требования, которые благоприятствовали международной стратегии пролетариата. С одним лишь отличием: если эти требования были «*лишь орудием клерикальной или финансово-монархической интриги других стран*»³, то их следовало отвергнуть. С клерикализмом, «*панисламизмом*» и «*муллами*»⁴, как и со всякой попыткой реакционного использования национальных движений, надо бороться, писал Ленин Интернационалу в 1920 году. Поддержка национального самоопределения была выбором в рамках стратегии, а не вопросом принципа.

Третий период наступил в 1960-е годы, когда антиколониальное движение за независимость исчерпало себя и весь мир был охвачен капиталистическим развитием. Коммунизм поддерживал буржуазно-демократические революции, потому что они развивали производительные силы, утверждал Арриго Черветто, демократы же «*использовали нашу поддержку с намерением уничтожить нас*». Теперь, когда капиталистические производственные отношения повсеместно преобладают и приобретают всеобщий характер, коммунизм больше «*не обязан*»⁵ поддерживать буржуазную демократию. Тем более, что нерешённые национальные вопросы используются как *предлог* в борьбе между державами и между центрами империализма.

Дело вот в чём: не может быть большого национального решения национального вопроса. Драма палестинского народа, как и любого другого угнетённого меньшинства, может быть рассмотрена и по-настоящему решена только с помощью интернационалистской стратегии, теперь, когда зрелая классовая оппозиция создала для этого условия. [...]

Возникает вопрос. Что изменилось спустя более полувека после той эпической битвы? [...]

Отправной точкой может быть лишь противостояние между империалистическими державами и его отражение на региональных театрах. Восхождение Китая, а также трудное *федеративное/конфедеративное* утверждение Европейского союза открыли *новую стратегическую фазу* в глобальных отношениях, где противостоят друг другу крупные и очень крупные державы континентального масштаба. США, Китай, Европа, Россия, Индия, Япония, Бразилия — именно между этими гигантами капитала в первую очередь разыгрывается борьба за мировые рынки, а завтра к ним присоединятся и другие крупные демографические центры, такие как Индонезия, или послезавтра — какой-нибудь африканский гигант.

Это имеет глубокие последствия на региональных шахматных досках, начиная со Среднего Востока, который благодаря своим энергетическим ресурсам никогда не переставал быть *болевым точкой* в этом противостоянии. [...] Отряды средневосточной буржуазии, стравленные игрой влияния великих держав, уже столетие борются за укрепление своих национальных государств и участие в дележе доходов от газа и нефти. Это государственные структуры, пересечённые сложными этническими и религиозными линиями разлома и заключённые в производные границы — наследие распада Османской империи и колониального господства. Поскольку попытки регионального объединения не увенчались успехом, а панарабизм сошёл на нет после поражения Насера в 1967 году, в новых условиях создание государства континентальных масштабов становится тем более недостижимым. Впрочем, это касается всех балансов сил, глобальных и региональных: к трём периодам интернационалистской стратегии по национальному вопросу добавляется четвёртый, определяющей чертой которого является недостаточность «*национального государства восемнадцатого века*» перед масштабом азиатских гигантов.

С одной стороны, для Среднего Востока это означает, что решающую роль в регионе по-прежнему будет играть борьба за влияние империалистических держав, и, более того, она будет осложнена участием Китая в качестве нового претендента. С другой стороны, именно потому, что Китай становится новым полюсом силы на фоне находящихся в упадке Соединённых Штатов и Запада в целом, это, как ни парадоксально, может увеличить поле действия для *средних держав*. Кризис порядка может стать возможностью для определения региональных отношений или для тех или иных эпизодов плохо просчитанного авантюризма. Войны *кризиса порядка* имеют такую же природу, они являются *конфликтами по доверенности* великих держав, но также оказываются последствиями вылазок *средних держав* в том зазоре, который образовался между упадком западной гегемонии и ростом китайского влияния.

Последняя война в Газе берёт своё начало именно в этом, в противостоянии между Ираном и Саудовской Аравией. [...] Тегеран и Эр-Рияд подключили Пекин к своей игре, но иранцы находятся в одном шаге от атомной бомбы, на *ядерном пороге*, а саудиты в связи с Соглашениями Авраама думают пойти тем же путём с одобрения США. Чтобы предотвратить это или навязать торг, Тегеран мобилизовал или позволил действовать своим клиентским военизированным форми-

рованиям — Хезболле в Ливане, хуситам в Йемене и ХАМАС в Газе.

По мнению саудитов, *Соглашения Авраама* должны включать национальное решение для палестинцев, возможно, предусматривающее возрождение дискредитировавшей себя ПНА, но трудно представить, как можно решить вопрос еврейских поселений на Западном берегу, потенциальной базы вооружённых масс для внутриизраильской гражданской войны. Иранцы пока настойчиво ведут игру на отсечение, прецедентом которой является Фронт отказа, выступавший против любых переговоров с Израилем с 1970-х годов. Притязания ХАМАС на создание единой Палестины «*от реки до моря*», то есть путём уничтожения Израиля, являются зеркальным отражением амбиций израильских правых и еврейского религиозного фундаментализма, стремящихся к созданию *Великого Израиля*, который возвратил бы себе библейские области Иудеи и Самарии, то есть завершил бы колонизацию и аннексировал бы оккупированные территории Западного берега.

Игра между средневосточными державами и между ними и центрами империализма использует и не позволяет разрешить противоречие, уходящее корнями вглубь веков. Первая глава книги содержит набросанный широкими мазками обзор течений, которые интерпретировали это противоречие: две души сионизма, которые воплотились в виде лейбористов Давида Бен-Гуриона и правых ревизионистов Владимира Жаботинского; течения ООП и политического исламизма, соперничающие за палестинский национализм, в свою очередь, под влиянием и с помощью арабского и иранского национализма.

На протяжении десятилетий наблюдались две закономерности. Первая заключается в том, что каждая сила, которая имела амбиции в этом регионе или чувствовала себя разочарованной и исключённой из соглашений между другими, использовала драму палестинцев, организуя и финансируя их течения, подталкивая их в политическом, конфессиональном, военном и зачастую террористическом плане. По очереди или в рамках переменных альянсов, которые то использовали, то бросали палестинцев, это делали Египет, Сирия, Иордания, Ирак, Ливан, Ливия, Алжир, Тунис, Кувейт, Катар, Саудовская Аравия и Иран. Сегодня настала очередь Тегерана, но можно быть уверенным, что без понимания, способного усадить за стол переговоров всех участников, если только это вообще возможно, найдутся силы, готовые вновь разжечь конфликт, который сам по себе стал практически неразрешимым именно благодаря поселению сотен тысяч колонистов на Западном берегу.

Вторая закономерность касается империалистических держав, которые использовали эти национальные и конфессиональные разногласия в своих соглашениях о разделе или разжигали их в десятках конфликтов, чтобы предотвратить единство региона или его гегемонистский контроль.

Lotta comunista, июль – август 2024 г.

1 – Черветто А. Унитарный империализм: в 2 т. Киров: Марксистская наука, 2005. Т. 2. С. 248.

2 – Там же. С. 250.

3 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 30. С. 39.

4 – Там же. Т. 41. С. 166.

5 – Черветто А. Политическая оболочка. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2015. С. 33.

Раздел Палестины и обра

Период с 1929 по 1947 год в Палестине, особенно с началом арабского восстания, часто описывается в историографии как долгая вялотекущая гражданская война, где напряжения и столкновения происходили как внутри сионистского лагеря, где усилилось соперничество между разными течениями, так и среди арабского компонента. Для Британской империи Палестина стала важным элементом стратегического механизма (*imperial defence*), обеспечивая связь по суше между Восточным Средиземноморьем, Персидским заливом и Индийским океаном; в то же время усилились сомнения о возможности поддерживать обязательства, взятые Британией перед двумя национализмами накануне первой мировой империалистической войны (Dan Diner, *"Tutta un'altra guerra"*, 2022).

Мировой экономической кризис и угроза нового конфликта – первой третиной в послевоенном порядке стала японская оккупация Маньчжурии в 1931 году, затем взлёт нацизма в Германии и война в Эфиопии в 1935 году¹, – усилили среди англичан точку зрения, что мандат над Палестиной являлся скорее «бременем», чем «преимуществом». По оценкам как вооружённых сил, так и Министерства по делам колоний, Лондон столкнулся в Палестине с «неразрешимым конфликтом», аналогичным конфликту между католиками и протестантами в Ирландии с 1919 по 1922 годы (D. Diner, *op. cit.*; T. Segev, *"One Palestine, complete"*). Подавление крупного арабского восстания привело к гибели около 2000 человек, среди которых было 400 евреев и 150 британцев; Лондон, особенно после отправки маршала Бернарда Монтгомери в 1938 году, использовал методы, похожие на те, что будет применять Франция во время войны в Алжире (1954–1962). Внутри сионистского движения, особенно с 1938 года, по словам Сегева, усилилась конкуренция между ревизионистским и лейбористским течениями «за гегемонию не над одним только движением, но и над будущим еврейским государством».

В арабском лагере Великий муфтий Иерусалима Хадж Амин аль-Хусейни вёл внутреннюю борьбу против династии Нашашиб, организуя заказные убийства (I. Pappé, *"A history of modern Palestine"*, 2014). Тем не менее, и сионисты, и арабские националисты старались избежать разрыва с Лондоном. Хусейни был вынужден бежать сперва в Бейрут, затем в Дамаск, и, наконец, в Багдад, после попытки заручиться поддержкой арабских стран, уже получивших формальную независимость от Англии (Египта, Ирака и Саудовской Аравии), чтобы вынудить Лондон отказаться от декларации Бальфура и остановить еврейскую иммиграцию в Палестину. Панарабские призывы вызвали беспокойство в Лондоне на фоне растущих симпатий арабов к фашистской Италии и нацистской Германии.

Комиссия Пиля и «насильственное переселение»

Как пишет Сеgev, пронемецкие и проитальянские настроения в арабском мире и в Палестине, начиная с 1939 года, были зеркальным отражением позиций сионистского движения в отношении британского правительства в 1917 году. Лондон разработал не менее «десять планов раздела» Палестины в 1930–1940-е годы. Наибольшую известность получил план комиссии Пиля, опубликованный в 1937 году, который предполагал создание двух государств и международной администрации в Иерусалиме. Сионистское руководство приняло его с осторожностью, в то время как арабы отвергли.

Давид Бен-Гурион, однако, рассматривал его как «декларацию независимости» еврейского государства, поскольку план вводил формулу «принудительного пере-

селения» арабского населения: за образец брался обмен населением между Турцией и Грецией в 1923 году по итогам греко-турецкой войны между Афинами, поддержанными Лондоном, и националистами Кемалю Ататюрка. С самого начала 1930-х годов, по словам Сегева, еврейское руководство разрабатывало планы переселения арабского населения, обсуждая, должно ли оно быть «принудительным или добровольным»; однако добровольное переселение понималось не как «индивидуальное желание», а на основе «соглашения между государствами».

Идея переселения укрепились в 1940-е годы. Перед смертью от сердечной болезни Владимир Жаботинский, действовавший в США, заявлял, что «мир привык к идее массовых миграций: Гитлер, как бы он нам ни был отвратителем, сделал эту идею популярной в мире». Эту позицию укреплял и растущий отказ со стороны арабов принять создание еврейского государства в Палестине. Это сделало эфемерными предложения о «двунациональном решении», выдвинутые «умеренными сионистами», такими как «Брит-шалом» («Союз мира»)², которым симпатизировала, например, семья Шокен немецкого происхождения, по сей день владеющая газетой «Гаарец»³.

Том Сеgev в книге с трагически ёмким названием «Седьмой миллион» рассматривает вопрос о том, «как Холокост повлиял на историю Израиля». Мы не будем углубляться в этот крайне деликатный и неизбежно противоречивый вопрос; остановимся на основной мысли автора: Сеgev оспаривает тезис о том, что Холокост стал основополагающим событием для создания Израиля. Он был использован как «дипломатический инструмент» сионистским руководством, ставшим «палестиноцентричным», которое вытеснило Хаима Вейцмана, а вместе с ним и приоритет, отдаваемый отношениям с Лондоном. И Бен-Гурион, и ревизионисты «прагматично» считали, что ни «ишува» (еврейское поселение), ни воюющие державы не могли сделать достаточно для «спасения диаспоры» от уничтожения нацистами, поэтому приоритетом стало создание государства Израиль. Как утверждает Сеgev, этот вопрос выявил «раскол» между лейбористским руководством и выжившими при нацистах, многих из которых вынудили эмигрировать на земли будущего Израиля или вербовщики сионистских организаций, или державы-победительницы. Сионистскому руководству потребовалось десятилетие, чтобы интегрировать выживших в концлагерях, и это стало частью израильского морального фактора и подхода к внешней политике.

Политика Лондона, который накануне второй мировой войны подтвердил свои предложения о разделе, отложенные до 1949 года, заключалась в том, чтобы успокоить арабские настроения. Подписывая в 1939 году Белую книгу, согласно которой любая дальнейшая еврейская иммиграция приостанавливалась, премьер-министр Невилл Чемберлен подчеркнул, что если Лондону придётся разозлить кого-нибудь, то лучше уж это будут евреи.

Движение к независимости

Арабы, по мнению Сегева и других историков, допустили «серьёзную тактическую ошибку», отвергнув раздел, поскольку британское предложение позволило бы им «выиграть время» для подготовки к войне, которую к тому времени все уже считали «неизбежной». Второй ошибкой арабов был поиск сотрудничества с режимами Муссолини и Гитлера. В 1941 году Великий муфтий добился аудиенции с обоими лидерами, но не добился никаких конкретных обязательств со стороны этих двух держав. В апреле – июне 1941 года, как вспоминает Динер, англичане свергли пронацистские правительства в Ираке и Иране, аналогично они поступили с вишистскими силами

в Сирии и Ливане. Хусейни, который получил поддержку прогерманских сил в Ираке, был вынужден бежать сперва в Рим, а затем в Берлин. Там он в сотрудничестве Генрихом Гиммлером способствовал вербовке в ряды СС мусульманских боевиков из Боснии и Албании, которые сыграли роль в борьбе с партизанами в Югославии и в уничтожении еврейских меньшинств в Албании. Бежав из Берлина незадолго до входа русских войск, Хусейни нашёл убежище в Каире. Здесь в 1944 году по инициативе британцев был устроен центр Лиги арабских государств⁴. Англичане отказались арестовывать Хусейни, чтобы не провоцировать конфликт с египетской монархией и арабским миром в целом.

Итоги второй мировой войны, трагические для еврейской диаспоры Европы, стали фактором ускорения экономического и промышленного развития в Палестине: положение главной логистической базы в Восточном Средиземноморье способствовало развитию «сотни промышленных предприятий» (Diner, *op. cit.*). Уже в 1918–1939 годах Лондон вложил средства в инфраструктурные проекты, такие как расширение порта Хайфа, сеть автодорог в направлении Ирака и Персидского залива, и железнодорожная сеть. Как напоминает Бени Моррис, с развитием перерабатывающей промышленности Хайфа стала также крупным городским центром, в котором была сильна арабо-еврейская рабочая солидарность, особенно на заводах британской Iraq Petroleum Company. Эта классовая солидарность была разрушена в результате террористических актов со стороны арабов и евреев (B. Morris, *"Righteous victims"*, 2001; I. Pappé, *op. cit.*).

«Сезон охоты» и война за независимость

Сионистский конгресс, состоявшийся в мае 1942 года в отеле «Билтмор» в Нью-Йорке, считается поворотным моментом, когда лейбористское руководство изменило пробританский курс на проамериканский. Бен-Гурион был убеждён, что создание еврейского государства зависит от исхода войны (D. Diner, *op. cit.*). Тем не менее, как и в 1917 году, он предоставил союзникам еврейских военных, оглядываясь на поддержку, которую оказывали Британской империи другие антиколониальные движения, например, Махатма Ганди и Индийский национальный конгресс. Поскольку с 1944 года «Лехи» (так называемая «Банда Штерна») и «Иргун» начали террористическую кампанию против британцев⁵, лейбористы перешли к политике сочетания сотрудничества и сопротивления в отношении английских властей, особенно боясь того, что после решения 1947 года о выводе британских войск в Палестине случится «вакуум власти» в административных структурах. И Сеgev, и Колин Шиндлер (*"The rise of the Israeli right"*, 2015) подчёркивают, что националистическое столкновение между еврейскими течениями хотя и несло в себе риск «гражданской войны», во многом было конкуренцией за «патриотическое доверие».

В 1944–1945 годы лейбористское руководство поддержало британские репрессии против «Иргуна» и «Лехи», которые вошли в историю как «сезон охоты». Однако они тайно поддерживали обе группы в их «контртеррористических» действиях против арабов, отправив на подмогу свои особые отряды «Пальмах». Пальмахники, как пишет Сеgev, сочетали в себе эгалитаризм *кибуцников* – членов аграрных кооперативов, – «пуританские обычаи» и «большое восхищение Сталиным». Он также обращает внимание, что к 1947 году Лондон окончательно пришёл к выводу о снижении стратегической ценности мандата. Англия вошла в Палестину, движимая не «экономическими интересами», а по совокупности факторов; теперь имен-

но «экономические соображения» и упадок международного положения Британии, ускорившийся по итогам второй мировой войны, вынудили её «уйти со сцены».

«Палестинские» катастрофы

«Пальмах», «Хагана», «Иргун» и «Лехи» были интегрированы в национальную армию в 1947 году. Однако, как пишет Моррис, в ходе арабо-израильского конфликта 1947–1948 годов правые полувоенные формирования считались «враждебными» к «Хагане» (*"1948"*, 2004). В секретном докладе правительству информационные службы «Хаганы» сообщали, что в результате действий «Иргуна» и «Лехи» «от 15 % до 20 % арабского населения» было выдворено из своих деревень.

Конфликт разделяется на две фазы. В феврале 1947 года Лондон объявил о выводе своих войск из Палестины, а в ноябре Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 181 о её разделе, которую поддержали основные державы, но отвергли Британия и Лига арабских государств. С декабря началась фактическая гражданская война, с арабскими атаками и еврейскими ответными действиями. В январе 1948 года в Палестину начали прибывать арабские нерегулярные войска, которые в марте смогли взять в осаду Тель-Авив и Иерусалим. «Хагана» начала получать оружие из Чехословакии⁶, и сионистское руководство разработало так называемый план «Далет», который предусматривал защиту границ и возможное уничтожение арабских деревень на территории еврейского государства, которые были тяжело контролировать. Илан Паппе (*"The ethnic cleansing of Palestine"*, 2007) и многие палестинские историки считают его планом по изгнанию арабского большинства. Моррис, представитель течения израильских «новых историков», впоследствии перешедший на неоконсервативные позиции, считает *накбу* (дословно «катастрофу») – исход 700.000 палестинцев) частью динамики военного противостояния в услови-

ПАЛЕСТИНА: ПЛАН РАЗДЕЛА КОМИССИИ ПИЛЯ, 7 ИЮЛЯ 1937 ГОДА

- Еврейские поселения
- Арабо-еврейские города
- Арабские города или деревни

Источник: Encyclopædia Britannica.

Зование Израиля

ях сильно перемешанного населения. Он признаёт, что на счету еврейской армии по меньшей мере сорок массовых убийств, из которых самой известной стала резня в деревне Дайр-Ясин, а также преднамеренное уничтожение сотни других деревень.

По поводу «концепции переселения» Моррис указывает на роль сионистской идеи о необходимости «демографического большинства» для новорождённого государства Израиль. Он также подчёркивает, что Бен-Гурион не отдавал «письменных инструкций» и не выступал официально в поддержку этой идеи, что могло бы возложить политическую или моральную ответственность на государство Израиль. Он подчёркивает, что сионистское руководство изучало, в качестве предосторожности, исторические прецеденты, такие как переселение греков и турок в 1923 году, а также армянский и курдский вопросы в 1925 и 1926 годах. Он добавляет, что практика депортаций вызвала оживлённые дебаты внутри различных течений МАПАЙ, партии рабочих (В. Morris, "1948", "Victims"). Эли Барнави считает, что решения Бен-Гуриона продиктованы соображениями «realpolitik», перед лицом арабского компонента, который мог действовать, даже в качестве меньшинства, оставшегося на израильской территории после раздела, как «пятая колонна» враждебных арабских стран ("Storia d'Israele", 1995).

Второй фазой конфликта стала интервенция регулярных арабских сил (май 1948 года – июль 1949 года). Их плохая координация, а также лучшая подготовка и численное превосходство еврейских военных формирований, численность которых возросла в ходе конфликта, определили победу Израиля.

Война 1947–1948 годов была самой кровопролитной в истории Израиля: порядка 6.000 убитых среди военных и гражданских, 1 % еврейского населения. Жертвы с арабской и палестинской стороны оцениваются в 5–15 тысяч человек. Родосские соглашения о перемирии, подписанные

Израилем с февраля по июль 1949 года по отдельности с каждой из противостоявших арабских стран, определили границы, оставшиеся неизменными до войны 1967 года: Израиль сохранил за собой 78 % территории подмандатной Палестины, а остальное оккупировали Египет и Транс-Иордания. Израиль увеличил свою территорию на 30 % по сравнению с планом ООН.

Сегев подчёркивает, что план ООН сам по себе косвенно подразумевал динамику выселения. То же происходило в конце второй мировой войны: не только с выселением 12 миллионов немцев, но и с «принудительной репатриацией» поляков, украинцев и других меньшинств в Восточной Европе как до, так и после Ялтинских соглашений (K. Lowe, "Savage continent", 2013). С 1947-го по 1950 год новорождённый Израиль, помимо интеграции выживших после нацистского истребления, вёл переговоры с Польшей, Румынией и Венгрией о переселении их еврейских меньшинств «по высокой экономической цене» в виде торговых уступок.

Израиль в противостоянии за Средний Восток

С 1949-го по 1956 год, пишет Моррис, Израиль вёл «долгую пограничную войну», в том числе с «карательными вылазками» на иорданскую территорию, и не только чтобы помешать проникновению палестинских крестьян, многие из которых даже не собирались участвовать в герилье. Вину за поражение палестинцев и арабов в войне 1948 года можно объяснить как отсутствием реального лидерства, поскольку фигура Великого муфтия была уничтожена по итогам войны, но также и разными расчётами арабских стран.

Тезис Ави Шлаима, другого представителя израильской школы «новых историков», указывает на династические интересы Иордании, по сути, на «сговор» с Израилем в разделе Палестины: Цисиордания была аннексирована хашимитским королевством в 1950 году. Также Шлаим указывает на соперничество за лидерство в панарабизме между Ираком, Иорданией, Египтом, Сирией и Саудовской Аравией и на территориальные интересы соседних с Израилем стран, которые, по мнению Шлаима, пытались заключить двусторонние мирные соглашения, но часто оказывались связаны «панарабскими обязательствами» в рамках «фронта отказа» от признания еврейского государства (A. Shlaim, "Collusion across the Jordan", 1988; "The Iron Wall", 2001). Другими словами, и палестинский национальный предлог, и еврейский национальный предлог использовались как арабскими буржуазиями в их соперничестве между собой, так и в противостоянии империализмов.

Второй арабо-израильский конфликт в октябре 1956 года стал результатом сговора Франции, Великобритании и Израиля в контексте Суэцкого кризиса, вызванного национализацией канала режимом Гамалея Абделя Насера. Для Израиля это была превентивная война, так как он опасался усиления военной мощи Египта. По словам Барнави, Бен-Гурион считал Египет «единственным настоящим государством» в регионе, наряду с Турцией и Ираном: другие арабские режимы были простыми коалициями «племён и кланов». Франко-британско-израильский «сговор» был нацелен на дестабилизацию или свержения режима Насера, который поддерживал борьбу за независимость в Магрибе, особенно в Алжире, и угрожал не только англо-французскому контролю над Суэцким каналом, но и британским позициям в Иордании. Операция встретила совместное сопротивление Вашингтона и Москвы, которые её заблокировали, что привело к падению правительства Энтони Идена. По мнению Джеймса Барра, Лондон неверно понял степень враждебности Вашингтона к На-

серу, когда администрация Эйзенхауэра разрешила ЦРУ оценить последствия его устранения. Лондон решил пойти на риск на фоне предвыборной кампании в США и подавления Москвой венгерского восстания. Вашингтон вынудил Британию отступить, спровоцировав кризис фунта стерлингов и угрожая нефтяным эмбарго. Москва пригрозила военным вмешательством (J. Marr, "Lords of the desert", 2018; W. Bass, "Support any friend", 2003).

Период 1945–1957 годов, по оценке многих израильских историков, также был апогеем франко-израильских отношений и вообще связей с Европой, которые поддерживали Шимон Перес и Бен-Гурион. Франция не только сотрудничала с еврейским государством по ядерному вопросу, но и была главным поставщиком оружия в страну. Конфликт 1956 года закончился военным поражением Египта, но сделал из Насера лидера в арабском мире, создав предпосылки для конфликта 1967 года. Тем не менее, по мнению Барнави и Витторио Дан Сегре ("Le metamorfosi di Israele", 2006), он предоставил десятилетнюю передышку Израилю, который был занят интеграцией миллиона иммигрантов из сефардской диаспоры, прибывших из арабских стран (иemenские, иракские, марокканские евреи) и Ирана, после того как добился соглашения с ФРГ о военных репарациях.

Иммиграция «мизрахи» и «гуш эмуним»

Соглашение между Бен-Гурионом и Конрадом Аденауэром вызвало жесточайшие протесты в Израиле, лидером которых был Менахем Бегин, который в 1943 году возглавил ревизионистское течение и стал секретарём «Херута», правоцентристской политической партии. Только в 1960 году ревизионистское течение присоединилось к центральному профсоюзу «Гистадрут». До 1967 года, когда накануне Шестидневной войны было образовано правительство национального единства, на политическом поле Израиля доминировал центризм, основанный на альянсе МАПАЙ с религиозной партией МАФДАЛ. Экономика во многом приобрела государственно-капиталистические или сильно дирижистские черты, в том числе в связи с необходимостью обеспечить экономическое развитие и интеграцию новых иммигрантов, называемых в израильской социологии мизрахи или мизрахим (восточные).

Этот компонент, с чертами и характеристиками, отличными от ашкеназов — выходцев из Центральной и Восточной Европы, в течение 1960-х и 1970-х годов стал основной массовой базой для израильского правого центра в условиях борьбы за наследство Бен-Гуриона внутри МАПАЙ. Абитболь пишет, что мизрахим выступали против доминирования ашкеназов в структурах, представляя широкие слои израильского пролетариата, который находился в условиях, по сути, экономической подчинённости или даже дискриминации. «Таарец», к примеру, описывал иммигрантов йеменского и марокканского происхождения почти расистскими фразами, называя их «большие арабами, чем евреями» из-за их обрядов, обычаев и происхождения из низших слоёв пролетариата. По мнению Барнави, «марокканские иммигранты» в особенности оказались наиболее нетерпимыми к социальной дисциплине, установленной лейборизмом. В начале 1970-х годов именно мизрахим сформировали социальное протестное движение, известное как «Чёрные пантеры», боевиком которых был и Паппе. Это была явная отсылка к афроамериканскому милитантству, возникшему в гетто США.

Второй силой, возникшей после победы в войне 1967 года, стало национал-религиозное движение гуш эмуним (блок

веры), социальной базой которого был лейбористский средний класс. Оно основывалось на национал-мессианской концепции государства Израиль, продвигая колонизацию оккупированных территорий. Этому движению симпатизировали представители лейбористов, такие как Шимон Перес и Моше Даян, которые считали его новым воплощением духа «сионистского пионерства» начала XX века. В 1965 году эти два представителя «молодой лейбористской гвардии», которых Бен-Гурион считал своими наследниками, последовали за ним при расколе МАПАЙ, создав РАФИ. Гуш эмуним был сформирован в 1970 году и находился под влиянием бывших учеников раввина Цви Иегуды Кука, который считал всё произошедшее с еврейским народом от Холокоста до создания Израиля и победы в войне 1967 года «предпосылками искупления», и, следовательно, исполнением библейского пророчества (M. Abitbol, "Histoire d'Israël", 2024; I. Zertal, A. Eldar, "Lords of the land", 2007).

Lotta comunista, июль – август 2024 г.

1 – Вторая Итало-эфиопская война 1935–1936 гг.

2 – Организация возникла в 1925 году и в середине 1930-х прекратила деятельность.

3 – Газета была основана британскими оккупационными властями в 1918 году. В 1919-м стала выразителем взглядов сионистов-социалистов, эмигрировавших из России, а в 1937-м её купила семья Шокен, переехавшая в Иерусалим после прихода в Германии к власти нацистов.

4 – Лига арабских государств была создана 22 марта 1945 года на основании подписанного 7 октября 1944 года в Александрии протокола. Штаб-квартира Лиги находится в Каире.

5 – «Иргун» стал считать Великобританию своим врагом после принятия «Белой книги». После смерти Жаботинского в 1940 году в «Иргуне» произошёл раскол. Отколовшаяся фракция, «Лехи», во главе с Авраамом Штерном и Ицхаком Шамиром, считала главным врагом англичан и предлагала нацистской Германии свою помощь в борьбе с ними. Основная часть «Иргуна», во главе с Давидом Разиэлем, предпочла на время войны с нацизмом сотрудничать с англичанами. С приходом в 1943 году к руководству организацией Менахема Бегина ситуация изменилась, и 1 февраля 1944 года, несмотря на продолжавшуюся войну с Германией, он провозгласил «восстание», расширив операции и на Великобританию.

6 – СССР оказал не только политическую, но и активную военную помощь рождению государства Израиль. Прямых поставок вооружений из СССР не было, хотя такие просьбы и поступали в Москву. Для этого использовалась Чехословакия, поставлялось в основном оружие германских образцов. Частью – трофейное, частью – произведённое в самой Чехословакии, которая в период оккупации выпускала немало оружия для Третьего рейха. Жорес Медведев писал, что в Израиль прибывало не только оружие, но и военные специалисты, имевшие опыт участия в войне против Германии. Секретно отправлялись в Израиль и военные офицеры СССР. Павел Судоплатов утверждает, что использование офицеров разведки СССР в боевых и диверсионных операциях против британцев в Подмандатной Палестине было начато уже в 1946 году. Несколько сот добровольцев из СССР, преимущественно демобилизованных офицеров, воевали в составе корпуса МАХАЛ. Ицхак Шамир отмечал, что большую роль в войне за независимость сыграли добровольцы-евреи, ранее служившие в армии СССР.

7 – Израиль увеличил свою площадь с 14 до 20 тыс. кв. км.

ПЛАН РАЗДЕЛА,
ОДОБРЕННЫЙ ГЕНЕРАЛЬНОЙ
АССАМБЛЕЕЙ ООН,
29 НОЯБРЯ 1947 ГОДА

■ Еврейское государство
■ Арабское государство
□ Город Иерусалим

Источник: Encyclopædia Britannica.

Невиданное

Обзор занятости 2024" от ОЭСР, опубликованный в июле, подтверждает тенденцию восстановления уровня занятости в развитых странах после пандемии: в первом квартале текущего года она на 1,3 пункта выше, чем в конце 2019 года, а уровень безработицы находится на уровне ниже 5%. Он также подтверждает сохранение острой нехватки рабочей силы.

Противоречия на рынке

В этой связи в июльском докладе Института McKinsey говорится, что с 2010 года количество "открытых вакансий" увеличилось в четыре раза (в Италии – почти в пять раз) и что в странах Большой семёрки плюс Австралии число соискателей, ищущих работу, сейчас лишь на один миллион превышает количество вакансий: ещё пятнадцать лет разница составляла 24 миллиона. Это последствия уже закрепившейся демографической тенденции, которая будет всё сильнее ощущаться на рынке труда.

В то же время, по данным ОЭСР, уровень заработной платы в половине государств-членов ниже уровня до пандемии: на 2% в Германии и на целых 6,9% в Италии, слабом звене группы евро. Это свидетельствует о том, что между нехваткой рабочей силы и заработной платой не существует автоматической зависимости. Напротив, это одно из противоречий рынка труда в период реструктуризации и обострения конкуренции.

Реструктуризация, которая разделяет

Одним из аспектов, которые будут иметь большое значение в будущем, является *электрической и цифровой переход*. Обзор ОЭСР посвящён именно их влиянию на рынок труда. Речь идёт о целях, поставленных Международным энергетическим агентством в докладе "Net Zero 2050", – сведения к нулю чистых выбросов парниковых газов к указанному сроку.

Однако анализ ограничивается секторами, напрямую осуществляющими высокий уровень выбросов, такими как производство энергии, тяжёлая промышленность и транспортные услуги – на такие виды деятельности приходится 7% общей занятости в странах ОЭСР. Согласно исследованию, 14% работников этих отраслей рискуют потерять работу. Если учесть, что всего в этих странах 622 миллиона занятых, то реструктуризация в этих секторах затронет около 6 миллионов.

На другой чаше весов – рост занятости в "зелёных" секторах, на которые будет приходится уже 20% от общего числа занятых. Однако сделаем оговорку: не все работники равны перед лицом реструктуризации. "Зелёные" профессии «представляют собой возможность, в особенности для высокообразованных городских работников, которые обладают навыками, необходимыми для этих позиций». И напротив, «для низкоквалифицированных работников "зелёные" профессии могут оказаться недостаточной привлекательной альтернативой другим отраслям экономики, включая отрасли с высоким уровнем выбросов». Такова оборотная сторона нехватки рабочей силы в технологических отраслях.

Идея о том, что все проблемы можно решить путём перемещения работников из одной профессии в другую, когда речь идёт о разных уровнях профессиональной квалификации, является большим упрощением. Как и любой кризис и любая реструктуризация, текущая ситуация является фактором дальнейшего разделения нашего класса, ведь наибольшую цену заплатит слабейшая его часть.

Автомобили и компоненты

Однако это лишь часть эффектов электрического перехода, связанных с непосредственным производством выбросов. Влияние на производство товаров, которые в свою очередь производят выбросы, в докладе не рассматривается. И здесь сразу же приходит на ум автомобильная промышленность – отрасль, полностью вовлечённая в переход на электрические рельсы.

В Европе только в самом автомобилестроении занято около 6,6 миллиона работников. Из них более 850 тысяч приходятся на Германию, 216 на Францию, 169 на Великобританию, 165 на Италию, 152 на Испанию, но в первую десятку вошли также Польша, Румыния и Чехия, причём все они имеют более высокий процент занятости, чем Италия.

В Германии, учитывая вес сектора, последствия реструктуризации в сочетании с негативной рыночной конъюнктурой и глобальной конкуренцией уже ощутимы. Несколько крупных групп, особенно в сфере производства компонентов, планируют сокращение рабочих мест: Bosch – на 3 тысячи, ZF – до 14, Continental – более 7. Ещё 3 тысячи планируют сократить на немецком заводе Tesla. По мнению автомобильного аналитика Франка Шволе, к 2030 году в Германии могут исчезнуть 70 из 270 тысяч рабочих мест (*Handelsblatt*, 16 апреля). К этому можно добавить десять тысяч увольнений, о которых объявила франко-германская группа по производству компонентов Forvia, а также продление солидарных контрактов¹ и вынужденных отпусков, запланированное компанией Stellantis в Италии.

Тройной переход

Из Германии, однако, поступают новости, заставляющие задуматься: по всей видимости, *переход*, который готовит европейский империализм, на самом деле не двойной, а *тройной*: не только электрический и цифровой, но и *военный*.

Фактически, множатся случаи заключения соглашений о переводе рабочих из автомобильного сектора, где они имеются в "избытке", в сектор производства вооружений. Таким образом предпринимаются попытки заполнить рабочие места для выполнения всех заказов, которые были порождены *войнами кризиса порядка*.

Газета *Handelsblatt* от 23 февраля позволяет понять масштаб запроса: Rheinmetall планирует дополнительно создать «четырёхзначное» число рабочих мест (глава компании говорит о 4 тысячах); MBDA ожидает 300 новых сотрудников в этом и следующем году; TKMS хочет создать 550 новых рабочих мест в текущем финансовом году; Hensoldt – ещё 300 в 2024–2025 годах; KNDS планирует нанять 500 человек в этом году.

Китайцы говорят о переменах, которые приходят раз в век, немцы – о *Zeitenwende*, смене эпох. Lotta Comunista двадцать лет назад заметила *стратегическую беспрецедентность*: Китай ворвался на сцену в качестве империалистической державы, Европа пришла к *федерации евро*, Соединённые Штаты пытались сохранить своё первенство с помощью войны в Персидском заливе. Мировое противостояние уже никогда не будет прежним, оно превратилось прежде всего в столкновение гигантов, крупных и великих держав капитала. Сегодня возникает *беспрецедентная напряжённость*: наступает решающее десятилетие, в течение которого Китай будет наращивать вооружённые силы мирового класса, остальные будут преследовать его в гонке перевооружений, а региональные кризисы и войны кризиса порядка будут сочетаться. Большую войну, хотя она всё ещё маловероятна, уже нельзя будет исключить.

Именно так, *беспрецедентная* – значит невиданная ранее. Никогда ещё в Азии не возникал такой империализм, как китайский, способный на равных противостоять Соединённым Штатам и Европе. Мы никогда не видели, по крайней мере с 1930-х годов, чтобы общественное мнение сходило с ума от ярости и страха, когда на смену триумфальным фанфарам глобализации приходят болезни упадка. Никогда прежде Америка в конвульсиях атлантического упадка не видела, чтобы на пост её президента претендовал, тем более уже не в первый раз, телевизионный балаганщик, эгоист и демагог, подстрекавший нападение на Конгресс. Никогда прежде не было гонки атомного перевооружения: Китай пообещал стать *третьей ядерной сверхдержавой*, Европа и Япония стремятся иметь собственные *евроракеты и азиаракеты*, а США изо всех сил пытаются сохранить свой патронаж над союзниками. Никогда прежде мы не видели, как большая часть человечества погружается в демографическую зиму, а капиталистическое общество оказывается неспособным гарантировать воспроизводство нашего вида.

Однако никогда прежде мы не видели и того, чтобы благодаря этому колоссальному развитию сила мирового класса выросла до двух миллиардов наёмных работников: сотни миллионов новых пролетариев в Азии и Африке и десятки миллионов, перемещающихся из сельской местности в города, в старые державы, находящиеся в демографическом удущье.

Вызовы для марксистской науки, для интернационалистской борьбы, для добровольчества солидарности становятся гигантскими, но такими же гигантскими становятся открывающиеся возможности. И борьба за создание большевистской партии в империалистической метрополии была *беспрецедентной задачей*. Всё когда-то происходит впервые.

Газета *Zeit* (4 июля) сообщает, что на международной аэрокосмической выставке в Берлине производители оружия пытались привлечь не только клиентов, но и желающих найти работу. Компания Airbus организовала специальный стенд для проведения собеседований.

Меньше машин – больше оружия

Налицо избыточная занятость с одной стороны и свободные места – с другой. Идеологическое блюдо скоро будет подано. Ахим Вамбах, президент Центра европейских экономических исследований имени Лейбница, пишет, что «*перемены влияют на рынок труда, увеличивается число компаний, сокращающих персонал*». Но «*смена рабочих мест – это не проблема*», и немцы должны привыкнуть к этому: «*в принципе, мы должны рассматривать оборону скорее как возможность*» (*Handelsblatt*, 2 мая).

Сказано – сделано. Rheinmetall подписал соглашение о найме 100 рабочих из Continental. Diehl, немецкая оборонная компания, также увеличила штат на 582 человека, многие из которых пришли из автомобильного сектора. Bosch объявила о создании "Альянса возможностей" для передачи избыточного персонала: в этом анонсе «*не упоминаются конкретные компании, но говорится, что среди них*

есть и оружейные» (*Handelsblatt*, 14 июня). По оценкам той же газеты, в 2020 году в Германии 300 тысяч человек работают в сфере производства компонентов, а в сфере производства вооружений – 55 тысяч. Как говорится, место есть.

Рынок разделяет, стратегия объединяет

Эти примеры дают представление о том, что такое капитализм: капитал инвестирует туда, где он может получить наибольший рынок и наибольшую прибыль. Там же он привлекает работников: неудивительно, что оружейные концерны отмечают рост числа обращений соискателей. Однако эти факты также говорят нам о том, куда движется общество по мере развития *кризиса порядка*.

Положение наёмных работников определяется рынком, но направлять политическую борьбу должна именно стратегическая концепция марксизма. А борьба сегодня – это борьба за единство трудящихся против европейского империализма.

Lotta comunista, июль – август 2024 г.

8 – Разновидность социального амортизатора, позволяющая сохранить уровень занятости за счёт сокращения рабочего времени.

Воплощения и призраки пиренейского евроатлантизма

Мы публикуем серию статей на-ших испанских товарищей из газеты El Internationalismo.

Назначение Карлоса Куэрпо (Бадахос, Эстремадура, 1980) министром экономики Испании завершает этап формирования нового правительства, возглавляемого коалицией ИСРП и максималистской левой «Сумар». Он был избран премьер-министром социалистом Педро Санчесом по рекомендации его предшественницы Нади Кальвино, которая с 1 января вступила в должность главы Европейского инвестиционного банка, финансового учреждения ЕС.

С 2021 года Куэрпо занимал должность заместителя министра казначейства. С 2014 по 2020 год работал менеджером в ведомстве AIREF, которое играет роль «сторожевого пса» испанской налоговой службы. В его резюме также значится должность экономического аналитика в Генеральном директорате по экономическим и финансовым вопросам Европейской комиссии с 2011 по 2014 год – в этот период в Брюсселе работала и Кальвино.

Это немаловажный факт для столицы ЕС, которая внимательно следит за экономической и фискальной политикой Юга, особенно за политикой правительства с левым уклоном и находящегося под влиянием поддержки партий, провозглашающих своей задачей борьбу за независимость тех или иных регионов. Куэрпо официально подтвердит подотчётность министерства экономики *европейскому внешне-му принуждению*. С точки зрения метода, сопоставляя то, как европеизм и атлантизм находят свои воплощения в институтах, партиях и СМИ, мы можем поместить различные течения испанской буржуазии в рамки европейского империализма и диалектики между национальной и континентальной динамикой. Можно привести несколько конкретных примеров.

El País ...

Газета *El País*, родившаяся при переходе от франкизма к демократии, в настоящее время насчитывает более 350 тыс. подписчиков, большинство из которых читают издание в цифровом варианте. *El País* является самой продаваемой газетой широкого профиля, главным органом испанской политической элиты.

Мария Крус Сеоане, специалист по истории журналистики, и Сусанна Суэйро Сеоане, профессор новейшей истории в Национальном университете дистанционного образования (UNED), в совместной работе *«Una historia de El País y del Grupo Prisa»* (Plaza & Janés Editores, 2004) подчёркивают, что её основатели намеревались «запустить либеральную, европеистскую и современную газету», которая отстаивала бы «полную интеграцию Испании в Европу». В её основании (1976) сыграли роль бывшие иерархи франкистского режима, такие как галисиец Мануэль Фрага Ирибарне, министр информации при Франсиско Франко, который видел в «операции País» «реформистскую платформу режима». Но газета, несмотря на свою умеренную линию и даже поддержку монархии Хуана Карлоса I, в момент появления считалась слишком «демократичной», а некоторые критики даже называли её «гнездом красных».

Газета поддержала премьерство социалиста Фелипе Гонсалеса (1982–1996), выступила «в оппозиции» к правительствам члена Народной партии (НП) Хосе Марии Аснара (1996–2004), в один голос с ИСРП «с самого начала радикально выступала против [...] решения о вовлечении Испании в войну в Ираке» в 2003 году, что «сместило ось испанской внешней политики с Европы на США». Этот выбор был «очень плохо встречен избирателями», отдавшими в итоге предпочтение социалисту Хосе Луису Родригесу Сапатеро (2004–2011) на выборах, состоявшихся в разгар кровавых терактов джихадистов в Мадриде (11 марта 2004). Мы добавим, что призраки этой истории до сих пор довлеют над внешней политикой Испании.

Сегодня *El País* является главным медиа-воплощением *европейского истеблишмента* в Мадриде, но это также и *американская* газета. Она является выражением атлантических в широком смысле связей Европы и Испании, то есть связей с Северной, Центральной и Южной Америкой, с НАТО и с атлантическим побережьем Африки. Она имеет собственную редакцию и специализированные издания в Латинской Америке и США. По словам Джозефа Угурлиана, президента Grupo Prisa (Promotora de Informaciones S.A.), которая её издаёт, и британского инвестиционного фонда Amber Capital, крупнейшего акционера Prisa (29,8 %), это «фактически американская группа» (*El País*, 8 июня 2022), поскольку более 70 % её доходов приходится на Латинскую Америку.

Другими значительными акционерами Prisa являются: французская компания Vivendi (11,8 %); Global Alconaba (7,5 %), группа испанских инвесторов, считающихся близкими к правительству; Rucandio SA (7,5 %), принадлежащая семье Поланко, основавшей Prisa и активно действовавшей в издательском секторе ещё во времена франкизма, с которыми она была политически связана со времен Гражданской войны; мексиканский магнат Карлос Слим (7 %); катарский шейх Халид Тани Абдулла Аль Тани (4,9 %); Banco Santander (4 %), крупнейший банк Испании и четвёртый по величине в ЕС.

Заместитель директора *El País* Ксавьер Видаль-Фольк (род. 1952, Барселона), подводя итоги недавно завершившегося председательства Испании в ЕС, показывает, каким газета видит место Мадрида в Европе.

... и испанский европеизм

По его словам, «испанский европеизм, даже если он перешёл в более прагматическую форму по сравнению с романтическим идеализмом времён нашего вступления [в ЕС, при премьерстве Фелипе Гонсалеса], продолжает давать результаты. [Вследствие] того синергетического и структурного факта, что Испания сама по себе является маленькой Европой и, следовательно, лучше понимает других членов ЕС. Вследствие её культурного и языкового разнообразия, которое способствовало историческому проецированию на ключевых партнёров в Латинской Америке, а также в Средиземноморье. Вследствие того, что она обладает достаточно северным Севером и очень южным Югом» (*El País*, 30 декабря 2023).

«Разнообразие» её экономики также отражает европейскую неоднородность: крупные национальные чем-

пионы с международной проекцией, особенно в Европе и Америке, в таких передовых областях, как энергетика, инфраструктура и банковский сектор; большое количество автозаводов, в частности немецких, французских и итальянских марок, что делает Испанию вторым по величине европейским производителем в этом секторе; важная роль агропромышленного комплекса и туризма; множество средних и малых предприятий, которые понижают средний по стране показатель концентрации до уровня Италии. Наконец, большое значение имеет её роль как «границы» ЕС, и к этому мы ещё вернёмся.

La Vanguardia ...

Издаваемая с 1881 года газета *La Vanguardia* является третьей по тиражу в стране и имеет 125 тыс. подписчиков. Это крупнейшая ежедневная газета Каталонии, региона, лидировавшего прежде по объёму регионального ВВП, но недавно уступившему первенство Мадриду, в том числе из-за экономических последствий попытки добиться независимости. Умеренно-консервативная, выражающая более прагматичные течения каталонской буржуазии, в том числе поддерживающие Мадрид, она стремится подчеркнуть проевропейскую и атлантическую направленность Барселоны.

Издающая её Grupo Godó принадлежит одноимённой семье, которую свергнутый Второй республикой король Альфонсо XIII возвёл в гранды Испании, высший дворянский титул после членов королевской семьи.

Энрик Хулиана (род. 1957, Бадалона), заместитель редактора газеты, называет себя «пингвином» – термин, которым в странах бывшей Югославии называли представителей редкого политического вида, которые не идентифицируют себя с регионом своего происхождения в исключительной и антагонистической манере. Хулиана выступает за «антибалканское» решение испанского регионального ребуса в рамках европейской интеграции (*«La España de los pingüinos»*, Ediciones Destino, 2006). Поэтому он отвергает как тезисы о независимости, так и централистские и антикаталонские перегибы. В конце 1990-х годов он был корреспондентом газеты в Риме. Его опыт работы в Италии, к которому он часто обращается, и многочисленные сходства между двумя полуостровами позволяют нам напрямую сравнивать *испанский политический цикл* с нашим долгосрочным исследованием *итальянской канвы*.

... и геополитические карты

Геополитическое призвание Хулианы также проливает свет на внешнеполитические карты Испании.

Недавно он сосредоточил своё внимание на Баб-эль-Мандебском проливе – «Воротах слёз» на входе в Красное море, – соединяющим Азию и Средиземное море через Суэцкий канал. Здесь йеменские повстанцы-хуситы атакуют торговые суда, заявляя, что это ответные меры на войну, которую ведёт Израиль.

По мнению Хулианы, с открытием «третьей критической точки войны» после Газы и Ливана, затрагивающей жизненно важный торговый маршрут, присоединение Испании к военно-морской коалиции *Prosperity Guardian*, объявленной США 18 декабря, было бы логичным

следствием. Европейцы уже участвуют в операции «Аталанта» под испанским руководством, которую с 2008 года проводят в этом регионе против сомалийских пиратов, что было поддержано Верховным представителем ЕС по внешней политике и безопасности каталонцем Жозепом Боррелем.

Тот же Хулиана 21 декабря передал заявление вице-адмирала Игнасио Вильянуэва Серрано, командующего операцией: «Аталанта» уже начала сотрудничать с *Prosperity Guardian* в южной части Красного моря и надеется оказать ещё большую поддержку, имея соответствующие возможности».

Однако впоследствии правительство отказалось как от присоединения – с Мадридом даже не посоветовались по этому поводу, – так и от использования «Аталанты», которая, по словам Санчеса, не подходит для целей американской миссии. По мнению Хулианы, «кажется очевидным», что премьер-министр «не хочет, чтобы Испания в ближайшие месяцы была вовлечена в военные действия на Среднем Востоке». Однако правительство изучает возможность отправки «офицеров связи» для командования операциями в Красном море, что является «формулой выражения политической поддержки».

Более атлантическая пресса правого толка, к примеру, *El Mundo* или *ABC*, заслуживающая отдельного подробного исследования, выражает сомнения в том, что Мадрид сможет сохранить статус надёжного члена НАТО, если не будет брать на себя обязательства на Среднем Востоке; однако полемика, начатая НП и близкими к ней СМИ, пока что остаётся сдержанной.

Призраки Средиземноморья

Интенсивной, однако, была кампания по вопросу иммиграции: алармистские тона были слышны по всему спектру СМИ.

Испания, как и Италия, задыхается от демографической зимы, которая делает социальное обеспечение всё более обременительным, в то время как многие отрасли продолжают жаловаться на сокращение доступной рабочей силы. Например, «рекорд» в 57 тыс. незаконных въездов в страну, о котором все говорят, меркнет на фоне «700 тыс. рабочих», которых не хватает в строительной сфере. Такое расширение, по мнению финансовой газеты *El Economista*, близкой к Испанской конфедерации предпринимателей (СЕОЕ), необходимо для того, чтобы «направить средства Next Generation EU» в «один из самых старившихся и непривлекательных для молодёжи секторов».

Хотя испанская буржуазия осознаёт необходимость увеличения потоков иностранной рабочей силы, значительная часть которой сейчас прибывает самолётами из Южной Америки, жандармы по обе стороны Средиземного моря продолжают охоту за мигрантами. Они руководствуются предвыборными расчётами своих канцелярий, которым необходимо создать массовую базу для своих партий и выиграть конкуренцию с политическими организациями, более агрессивными в разжигании страхов и разочарований. Получается, что воплощением испанского евроатлантизма становятся также тысячи безымянных призраков, поглощённых морским дном.

Воплощения евроатлантизма в Галисии и Мадриде

В феврале основное внимание СМИ было приковано к тракторным протестам фермеров и дебатам по поводу закона об амнистии каталонцев, который пытается разработать правительство социалиста Педро Санчеса. Месяц завершился региональными выборами в Галисии, которую четыре парламентских срока подряд возглавляла Народная партия (НП) Альберто Нуньеса Фейхо, регионального председателя вплоть до 2022 года, когда он поднялся до роли лидера национальной партии.

Регион избежал сильных колебаний нового политического цикла, которые в последние годы привели к созданию пёстрой коалиции между НП и Vox, а также между ИСРП, максималистскими левыми и локалистскими партиями. Аналогичным образом, по крайней мере вначале, провинция избежала эксцессов аграрного протеста. В последние годы здесь появилось двухпартийная площадка для встреч и дебатов "Форум Ла Тоха – Атлантическая связь", очевидно вдохновлённая евроатлантистскими идеями.

Результаты голосования 18 февраля опровергают гипотезу о том, что НП (47 % голосов и 53 % мест в региональном парламенте) уступила свой исторический бастион гипотетическому правительству левого "Галисийского националистического блока" (32 % голосов и 33 % мест) в коалиции с ИСРП (14 % голосов и 12 % мест).

Голос Галисии

В Галисии проживает всего 2,7 миллиона человек, на её долю приходится около 5,4 % испанского ВВП, но она имеет заметное историческое и политическое значение в государстве и его региональной динамике. С точки зрения внешних связей, она близка по культуре и языку с соседней Португалией и поддерживает с ней тесные экономические и политические отношения. Кроме того, выходящая из региона представляют наибольшую часть зарубежной диаспоры (более 530.000 галисийцев из 2,7 миллиона испанцев, живущих за границей), особенно в Аргентине (более 180.000), где, как и в других странах Латинской Америки, испанцев называют "gallegos". Северо-западная часть полуострова является одним из регионов "пустой Испании", где «вес голосов сельских жителей достигает 30,37 %» (El Mundo, 8 февраля). Галисия является оплотом одного из трёх исторических течений регионального национализма Испании, но, в отличие от Каталонии и Страны Басков, с умеренным уклоном – оно постоянно искало защиты в Мадриде, а затем и в Брюсселе.

Газета La Voz de Galicia ("Голос Галисии"), основанная в 1882 году Хуаном Фернандесом Латорре (1849–1912), галисийским политиком республиканской ориентации, является самым тиражным изданием в регионе. Заняв со временем консервативную позицию, она считается одним из самых ярких правых медиа-воплощений испанского евроатлантизма, но при этом и одним из самых проевропейских.

Рамон Рейг, профессор кафедры структуры информации Севильского университета, считает её «настоящим примером аутентичной региональной газеты» ("Los dueños del periodismo", 2011). Согласно опросу Ассоциации по исследованию средств коммуникации, в 2023 году газета обойдёт по числу читателей каталонскую La Vanguardia. Однако если бар-

селонская газета достигла показателя в 125.000 подписчиков, то галисийская (2021 год) – только 20.000.

Фернандо Онега (род. 1947, Польша, Галисия), который был заместителем редактора франкистской газеты Arriba, а затем главой пресс-службы правительства Адольфо Суареса во время перехода от режима галисийца Франсиско Франко к демократии, работал в обеих газетах. Сам он относит их – наряду с другими региональными изданиями, такими как баскская El Correo, валенсийская Las Provincias, каталонская Tele/eXprés и мадридская Informaciones, – к числу «сторонников реформ», которые проложили путь к политическому переходу, наряду с «новыми газетами демократии», такими как левоцентристская El País и либеристская Diario 16 ("Qué nos ha pasado, España", Plaza & Janés Editores, 2017).

Евроатлантистский переход

Вызывает интерес и то, как Онега реконструирует роль вооружённых сил в этом переходе, для которых демократическая «нормализация» должна была опираться на «четыре столпа».

Во-первых, в соответствии с соглашениями 1976 года с США был создан Испано-Североамериканский генеральный штаб для «разработки стратегических планов общей обороны между Испанией и США в ранее объявленной географической зоне общих интересов (ZIC) и с центром на Пиренейском полуострове», с особым упором на Гибралтарский пролив. Это послужило предпосылкой для второго шага – интеграции в НАТО в 1982 году, которая поставила армию «на путь превращения в современные вооружённые силы». Тем самым они переставали быть «национальным полицейским резервом», который Франко намеревался содержать в основном для внутреннего использования в целях укрепления режима.

Параллельно с этим законодательная реформа вооружённых сил включала три последовательных сокращения численности личного состава – с 300 до 80 тысяч человек (сегодня в стране насчитывается 50.000 кадровых военных и 60.000 срочных), и особенно генералов – с пятисот до семидесяти.

Четвёртой «опорой» стал референдум о сохранении членства в НАТО в 1986 году, причём социалист Фелипе Гонсалес сперва выступал за выход, но затем активно поддержал сохранение членства, не допустив, однако, «интеграции Испании в военную структуру» Атлантического альянса. Это произошло только в 1998 году при Хосе-Марии Аснаре из НП, который в обмен на это согласовал с Конгрессом выбор в пользу налаживания отношений с бывшими странами Варшавского договора и более активного участия Испании в укреплении общей политики обороны и безопасности Европейского союза.

El Mundo

Связь попыток сформировать более централизованную внешнюю политику и обеспечить европейский империализм собственным военным потенциалом, «трансформация атлантических отношений», «сомнения в надёжности обязательств США» в НАТО и схемы комплектования армии становятся всё более громкой темой в дебатах истеблишмента как в Испании, так и в других странах континента, о чём рассказывается в последних редакционных статьях нашей газеты.

В этом контексте El Mundo, известная как крупнейший представитель "мадридской прессы" – газет центрального региона, которые считаются слишком правыми, – достигла 123.000 подписчиков. Газета издаётся компанией Unidad Editorial, которая, в свою очередь, контролируется RCS Media-Group, издателем Corriere della Sera в Италии.

Что касается евроатлантистов, то можно считать, что в Испании существуют две традиционные школы мысли: те, кто ругает за европеизм, потому что они атлантисты, и те, кто не отказывается от атлантизма, потому что они европеисты. Разделить эти две семьи нелегко, но в ДНК аснаризма, которая отличает "мадридскую прессу", гены первой имеют большой вес. В частности, El Mundo родилась одновременно с новой НП Аснара, сменившего галисийца Мануэля Фрагу Ирибарне в бывшем Народном альянсе (1989).

Рейг в процитированной выше работе отмечал, что El Mundo родилась с особым анти-социалистическим отпечатком. Её основатель и редактор Педро Х. Рамирес был директором Diario 16, чьи интервью с лидерами баскской террористической группировки ЭТА якобы раздражали правительство социалиста Фелипе Гонсалеса, «которому удалось сместить Педро Х.» с поста редактора газеты. «С тех пор Рамирес поклялся, как Ганнибал, "вечной ненавистью к римлянам", [то есть] к Фелипе Гонсалесу и ИСРП». Со страниц El Mundo он продолжал нападать на них в связи с коррупционными делами и так называемыми "Антитеррористическими группами освобождения", с помощью которых государственный аппарат вёл «грязную войну» против ЭТА. Всё это сопровождало приход Аснара к власти.

Атлантистский прибой

Ана Паласио – министр иностранных дел в период второго правительства Аснара, когда Испания участвовала в войне в Ираке совместно с США, – в своей еженедельной колонке в El Mundo (3 февраля) не скрывает разочарования, которое сегодня испытывают все атлантисты в связи с угрозой возвращения Дональда Трампа в Белый дом.

По её словам, в этой связи европейцы должны провести «спокойный и стратегический анализ [...], потому что геополитический ландшафт является взрывоопасным, напряжённость растёт, любое событие может спровоцировать конфликт с непредсказуемыми последствиями». В этом контексте «мы должны взять на себя защиту наших интересов и ценностей и действовать соответствующим образом», чтобы обеспечить «безопасность» Европы. Необходимо исправить ситуацию, в которой «только шесть стран ЕС достигают 2 %» ВВП в своих расходах на оборону, «демонстрируя нашу полную зависимость от Вашингтона». По мнению Паласио, необходимо гарантировать и увеличить помощь Украине в её противостоянии России, «даже если США уйдут», как заявил президент Франции Эммануэль Макрон.

В определённой мере Паласио следует линии, выраженной Аранчей Гонсалес Лайя, также бывшим министром иностранных дел Испании, но при социалисте Санчесе, в эссе, опубликованном онлайн в журнале американского Совета по международным отношениям ("Trump-proofing Europe", Foreign Affairs, 2 февраля). В качестве соавторов значатся Гунтрам Вольф (директор немецкого DGAP), Натали Точки (из итальянского IAI), Камилла Гранд (из европейского ECFR) и Катажина Писарска (из польского Варшавского форума безопасности).

По их мнению, Европа должна «подготовиться к отказу Соединённых Штатов от НАТО в условиях, описанных Паласио». Они также предлагают «европеизировать командную структуру НАТО» за счёт собственных сотрудников, чтобы иметь возможность «компенсировать сокращение обязательств США» и, возможно, восполнить «ядерное сдерживание» США за счёт большего «вклада» Франции и Великобритании на этом фронте.

Страх перед отступлением США медленно находит отклик на испанских берегах океана, где основные атлантистские школы мысли высказываются в пользу сближения в вопросах европейской обороны.

Выборы на Пиренеях и европейское перевооружение

«Барабаны войны» звучат со страниц испанских и португальских газет. Кампания в пользу необходимости европейского перевооружения в контексте всё более бурлящей международной обстановки практически не встречает оппозиции в Европе, разве что страхи перед возможными сокращениями других статей расходов или перед перспективой обязательной военной службы.

Но никто не говорит ни слова об империалистической природе перевооружения, о варварстве войн, подготавливаемых и старыми столицами империализма, и новыми столицами так называемого «Глобального Юга».

В этом контексте национальные политические циклы в Испании и Португалии обещают насыщенный электоральный календарь. Пропаганда партий обходит стороной вопрос перевооружения, но именно с ним в итоге столкнутся политические силы в тех комбинациях, которые сформируются после выборов.

Неопределённость в Лиссабоне

По словам главной газеты португальского истеблишмента *Diário de Notícias*, для Португалии открываются «времена неопределённости», учитывая досрочные выборы 10 марта, на которых крайне правая партия «Chega» («Хватит») под руководством Андре Вентуры «укрепляет свои позиции третьей политической силы».

Друг на друга наложились коррупционные скандалы вокруг центрального правительства социалистов – связанные с инвестициями в литий, зелёный водород и дата-центры – и правоцентристского регионального правительства Мадейры; это благоприятствовало партии «Chega», которая получила миллион голосов (18 %) и 48 мест из 230-и в Республиканском собрании, в четыре раза улучшив свой результат по сравнению с предыдущими выборами.

Ещё не закончен подсчёт голосов на зарубежных избирательных участках, которые определяют судьбу четырёх парламентских кресел, но уже идёт дискуссия о том, какое влияние будет иметь «Chega» в возможном правительстве Луиша Монтенегру. Кандидат от правоцентристской коалиции Демократический союз (79 мест и 1,81 миллиона голосов, 29,5 %) отказался от соглашения с праворадикалами, но ряд голосов внутри коалиции подталкивают его к этому.

Педру Нуну Сантуш, кандидат от Социалистической партии (77 мест и 1,75 миллиона голосов, 28,6 %) признал поражение и во время электоральной кампании заявил, что поддержит назначение Монтенегру премьером в случае его победы. Иронично, что в 50-ю годовщину *Революции гвоздик*, когда Португалия покончила с салазаристской диктатурой и своими колониальными войнами, праворадикалы могут оказаться в составе правительства. Соседи Португалии будут следить за тем, какую форму найдёт Лиссабон для значительного увеличения военных расходов.

Испанское исключение?

Конец португальского исключения – редкого случая в ЕС, когда правительство было сформировано одной партией, располагающей абсолютным большинством, да ещё и левоцентристской, – немедленно провоцирует дебаты о его уроках для испанского правительства и его устойчивости.

После плачевного результата на февральских выборах в Галисии правительство социалиста Педро Санчеса, возглавляемое коалицией ИСПИ и «Сумар» и поддержанное локалистскими партиями, среди которых выделяются баскские и каталонские, тоже оказалось под ударом нового коррупционного скандала вокруг закупки масок во время пандемии; схожая история произошла и с Народной партией (НП) в регионе Мадрид.

Окончательное соглашение с каталонцами, достигнутое благодаря амнистии преследуемых лидеров каталонского индигендизма, должно было обеспечить большую стабильность. Однако внутренняя динамика каталонского правительства под руководством Пере Арагонеса из республиканской левой Каталонии спровоцировало новый кризис. Не сумев достичь соглашения по поводу бюджета с правой партией «Вместе за Каталонию» бывшего президента Карлеса Пучдемона, который благодаря амнистии может снова стать крупным действующим лицом региональной политики, Арагонес назначил досрочные выборы на 12 мая.

Санчес отреагировал моментально: вместе с соратниками по правительству и самой ИСПИ – вовлечёнными в целую серию выборов сперва в Стране Басков 21 апреля, затем в Каталонии в апреле и наконец в Европарламент 9 июня – он заявил, что не может договориться о бюджете на 2024 год и решил продлить бюджет на 2023 год, перенеся переговоры на 2025-й.

Газ и бомбы

Энрик Хулиана, заместитель редактора *La Vanguardia*, указывает, что энергия и вооружения стали определяющими факторами грядущего политического цикла. Война на Украине навязала реструктуризацию газовых потоков в ЕС, значительно сократив российский импорт в европейские страны, за исключением как раз Испании. Мадрид удвоил свои поставки из Москвы, доля которых сегодня составляет 18,3 %, поскольку Naturgy в частном порядке закупает сжиженный газ у «Ямал-СПГ», контролируемого частной российской компанией «НОВАТЭК», французской TotalEnergies и китайской CNPC.

Правительство не одобряет эти связи и ведёт переговоры со странами южного Средиземноморья, поддерживая проект нового газопровода, который должен быть проведён вдоль атлантического побережья из Нигерии в Марокко и там соединён с трубой Магриб – Европа. Он станет прямым конкурентом другого проекта NIGAL, что должен связать Нигерию с Алжиром, который сегодня является главным поставщиком газа в Испанию. По мнению Хулианы, необходимо решить проблему, затрагивающую весь Пиренейский полуостров. Ключевой вопрос – «экономическая, социальная и политическая стабильность Германии», которая сегодня переплачивает за энергию, в ожидании европейских выборов: тот, кто взорвал «Северные потоки», «пытался гарантировать, что Германия не сделает шаг назад», разморозив связи с Россией.

Между тем, «всё более многочисленный хор голосов, призывающих к перевооружению, [...] меняет европейскую политику». Санчес выступил в нём «солистом» во время пандемии, в том числе потому, что Мадриду удалось воспользоваться щедрыми фондами Next Generation EU, задуманного Берлином. Однако «возможности Санчеса могут

БАРАБАНЫ ВОЙНЫ

Дебаты о европейском перевооружении быстро переключались из мозговых центров и правительственных кругов в печать, дойдя до газет регионального и провинциального значения.

«Многие европейские лидеры призывают к перевооружению ЕС. Реальна ли угроза войны?» Ответ: «Угроза войны абсолютна, но общество это совсем не осознаёт. [...] Сегодня баллистическая ракета запросто может долететь из России до Испании. [...] Пролонгированный бюджет позволит нам продолжать работать по программам обороны, которые помогают нам сохранять мир и создавать рабочие места».

Маргарита Роблес, министр обороны, в интервью LA VANGUARDIA, 17 марта

«Барабаны войны у наших дверей [...] мудрым будет решительно активизироваться, чтобы хорошо подготовиться, [и для этого] потребуются много денег. Таким образом, если у нас единая цель, необходимо хорошо поразмыслить, как её финансировать. ЕС должен серьёзно задуматься о новой эмиссии общего долга».

Андреа Рицци, рубрика «Европейский компас», EL PAÍS, 2 марта

«Барабаны войны. Это лязз сабель, или же нам стоит говорить о приведённых в действие алгоритмах – ведь в последние дни слышны предложения, которые предвещают новые военные сценарии. [...] Маршировать натовскими сапогами по украинской территории [как предлагает Макрон] значит спровоцировать войну между Россией и НАТО, которую назовут третьей мировой войной и которая станет трагедией планетарного масштаба. [...] В такой неприятной ситуации в атаку пошла Урсула фон дер Ляйен, [которая] предложила готовиться, реструктурировать европейские оборонные расходы, изменить положения Европейского инвестиционного банка, чтобы финансировать производство и покупку европейских вооружений и одновременно сократить нашу зависимость от США. [...] По моему мнению, за этими призывами скрывается понятная нервозность перед перспективой оказаться без защиты, если в ноябре в Белый дом вернётся Дональд Трамп».

Хорхе Дескальяр, бывший посол в США и бывший директор служб разведки при правительстве Аснара из НП, на страницах астурийской региональной газеты *La Nueva España*, 4 марта

«Внимание, Европа. Необходимость того, чтобы ЕС полагался на собственные механизмы обороны, становится как никогда более очевидной перед лицом российской угрозы, [...] что усугубляется огромной вероятностью того, что Трамп вернётся в Белый дом. [...] Это движение за легитимную защиту».

Редакционная статья *Diario de Sevilla*, 4 марта, и газет Grupo Joly в девяти андалузских провинциях

«Я начинаю тревожиться, что мой дедушка был прав [...] : «Нет ни одного поколения, которое не пережило бы войну», – говорил он. Сегодня политики предупреждают, что «война может произойти там, где мы живём. [...] Будет жаль, если мой дедушка был столь мудр».

Анхель Монтьель, главный редактор *La Opinión de Murcia*, 5 марта

Возвращение Трампа будет трагическим, «но покажет, что нам нужна Европа, сильная [...] и в оборонной политике. Я думаю, что мы движемся вперёд. Мы должны производить больше европейской военной продукции и покупать больше европейской военной продукции. Это не означает тратить больше, чем другие. Это означает промышленные инвестиции. Рабочие места. Такой подход может обеспечить консенсус».

Антониу Кошта, социалист, завершающий свой срок на посту португальского премьер-министра, в интервью LA VANGUARDIA, 18 февраля

«Необходимо восстановить обязательную военную службу? [Да]: Мировая конъюнктура вместе с российской угрозой должна сделать её обязательной. Более того, наша молодёжь научится таким ценностям, как товарищество, солидарность и национальный гимн. [Нет]: Сперва необходимо ускорить инвестиции, чтобы вновь сделать вооружённые силы привлекательными, хорошо организованными, привести их в хорошее состояние, сделать их хорошим примером и предоставить им хорошие инструменты».

«Вопрос дня», на который отвечают два журналиста на третьей странице крупной португальской газеты *COMPTON*, 15 марта

оказаться исчерпаны. Со своей слабой парламентской базой нынешнее испанское правительство не может возглавлять дебаты о перевооружении в той мере, в какой оно себя навязывает».

Продление бюджета, который предусматривает и военные расходы, представит ему время, чтобы «адаптироваться» для этого, реорганизовав большинство, которое поддерживает перевооружение, «после проверки реально существующих балансов сил в Стране Басков и Каталонии». Если только не случится «окончательный развал» правительства.

Санчес и война

В действительности Санчес, похоже, без проблем отстает от евроатлантических принципов, имея дело с Москвой, которой он посвятил четвертую и последнюю часть своей второй книги («Tierra firme», Ediciones Península, декабрь 2023). «Возвращение войны в Европе [...] усилило акцент на том, что европейские лидеры ставят на стратегическую автономию, в том числе в сфере безопасности и обороны». Проведённые Зеленским па-

раллели, о которых вспоминает Санчес, между Гражданской войной в Испании (1936–1939) и войной на Украине как потенциальной прелюдией к более крупному конфликту – и между Мариуполем и Герникой, баскским городом, подвергшимся бомбардировкам нацистов в 1937 году – могут вызвать аплодисменты и поддержку даже среди наиболее маргинальных партий в Парламенте.

Равным образом позиция по Палестине, которую нынешнее правительство в одностороннем порядке признает государством, может помочь направлять политику перевооружения.

Показательно, что соглашение на 7,4 миллиарда евро между Евросоюзом и Египтом, имеющее целью задержать иммигрантов и беженцев, прошло без резкого сопротивления на уровне ЕС и было встречено со значительным равнодушием всей политической географией Пиренейского полуострова. Против варварства империализма – остаётся только интернационализм.

Пиренейская инфраструктура и европейское перевооружение

Первооружение всё в большей мере становится вектором европейского политического цикла, и поэтому испанский цикл также стоит оценивать с этой точки зрения. Однако концепция перевооружения выходит за рамки военного измерения в строгом смысле слова, то есть за рамки военной промышленности и формирования армии. Оно охватывает различные сферы, от энергетики до телекоммуникаций, от автомобилей до транспортной инфраструктуры – сражение за энергетическую и цифровую реструктуризацию, – и вплоть до демографии и корректировки институтов и государственных властей.

Мадриду далеко до державных масштабов Берлина и Парижа, и он по-прежнему отстаёт от Рима, хотя и с небольшим отрывом. Но в последние годы, в сравнении с итальянским циклом, он продолжает пожинать плоды относительной «нестабильности», как определил её Карлос Э. Куэ в *El País*, которую обеспечивает коалиция между ИСПП и максималистскими левыми, опирающаяся на разнородную парламентскую базу, где выделяются каталонские и баскские политические силы.

Именно благодаря недавним выборам в Стране Басков, где ожидается подтверждение коалиционного правительства Баскской националистической партии и социалистов, и в ожидании майских выборов в Каталонии центральное правительство почувствовало глоток свежего воздуха. Однако сложное равновесие, в котором приходится балансировать премьер-социалисту Педро Санчесу, прибегая в том числе к спорным драматическим инсценировкам, таким как недавняя «пауза для размышлений» по поводу его возможной отставки, которая позже была опровергнута, до сих пор ставит под сомнение международную проекцию, а также сроки и условия испанского перевооружения.

С другой стороны, качество инфраструктуры и силу некоторых национальных чемпионов можно рассматривать как большие преимущества, но только пока они не превращаются в добычу, чрезмерно открывая южный фланг ЕС для проникновения противников и конкурентов.

В этом смысле некоторые сражения, которые ведутся в настоящее время, действительно имеют значение. Их пересечение с политической динамикой европейского сообщества, государств и регионов придаёт конкретную форму процессу перевооружения и той роли, которую Мадрид будет играть в европейском империализме.

Электромобили

Испания – второй после Германии производитель автомобилей в Европе. Здесь находится большое количество заводов европейских (Stellantis, Volkswagen, Renault, Mercedes, Iveco) и американских (Ford, GM) брендов, а также японского Nissan, исторического союзника Renault.

Немецкий концерн VW, например, в 2022 году выбрал регион Валенсия для размещения одной из своих площадок по производству батарей для электромобилей – тогда это объявлялось «крупнейшей промышленной инвестицией в истории Испании». В ней принима-

ло участие и несколько местных групп с общим объёмом вложений около 10 миллиардов евро. Изначально VW получил 400 миллионов евро в рамках PERTE VEC, государственного проекта по производству «электромобилей и подключённых к сети автомобилей», с помощью которых правительство Санчеса распределяет фонды Next Generation EU в этом секторе. Запуск проектов PERTE VEC состоялся в присутствии короля на заводе SEAT группы VW в Барселоне (к 2023 году произведено 450.000 автомобилей).

Ткань испанской промышленности – экосистема заводов по производству комплектующих в сочетании с современной логистической инфраструктурой и относительно низкими зарплатами – привлекает внимание не только западных игроков. Китайская AESC Envision выбрала Эстремадуру, регион с богатыми залежами лития, для строительства предприятия по производству аккумуляторов, второго в Испании после завода VW. Проект стоимостью 2,5 миллиарда долларов получил 300 миллионов в рамках PERTE VEC. Та же китайская компания заключила соглашение с правительством по другим «зелёным» проектам, включая 900-миллионные инвестиции в производство экологически чистого водорода в Кастилии-Ла-Манче.

19 апреля было подписано окончательное соглашение о создании совместного предприятия между китайской Chery и испанской EV Motors по производству электромобилей в Барселоне на мощностях, ранее использовавшихся компанией Nissan. «Первый китайский завод электромобилей в Европе», как преподносят его испанские СМИ, начнёт сборку первых моделей в конце года.

Это, с одной стороны, подтверждает вес Каталонии в автомобильном секторе. С другой стороны, перекликается с заявлениями Ральфа Брандштеттера, управляющего директора VW в Китае (*Die Zeit*, 19 апреля): как европейцы отравились производить в Китае, создавая «процветание», так и «китайские производители, которые теперь хотят вести бизнес в Европе, [...] производят в Европе [...] с европейскими зарплатами, ценами на энергоносители, стоимостью запчастей и профсоюзами» на «равных условиях». На тех же «равных условиях» Chery получит доступ к фондам PERTE VEC. VW, в свою очередь, просит испанское правительство о поддержке. Два других китайских производителя также претендуют на средства ЕС: CATL, ведущий мировой производитель аккумуляторов, реализует проект стоимостью два миллиарда евро в Сарагосе совместно со Stellantis, а CALB – осуществляет аналогичные инвестиции в Португалии вблизи важного порта Синиш.

Телекоммуникации

Недавнее вхождение саудовской STC в капитал Telefonica – испанского и европейского чемпиона в сфере телекоммуникаций с большим присутствием в Латинской Америке – путём покупки 4,9 % акций напрямую и ещё 5 % в деривативах вызвало немедленное возмущение правительства. Помимо того, что телекоммуникации являются стратегическим сектором на уровне ЕС, они также являются одной

из самых сильных сторон испанской буржуазии. Можно даже вспомнить, как премьер-министр Санчес во время локдаунов, говоря о возможностях «умной работы», мог похвастаться тем, что «Испания имеет больше километров оптоволоконной, чем Великобритания, Франция, Германия и Италия вместе взятые». Фактически, в этом месяце для розничного рынка была окончательно отключена медная ADSL-сеть, что, согласно *El Economista*, произошло «на шесть лет раньше, чем у большинства старых монополистов, таких как Deutsche Telekom, Orange и Swisscom, у которых этого в планах только к 2030 году».

Действуя через Государственную компанию участия в промышленности (SEPI), правительство планирует гарантировать «испанскость» Telefonica за счёт увеличения своей доли в акциях группы с нынешних 5 до 10 % и посредством координации своих действий с BBVA (4,8 %) и, что особенно важно, Criteria Caixa (5 %).

Газ

Аналогичная дискуссия развернулась и в отношении компании Naturgy, которая снабжает газом половину населения Испании. Её основными акционерами в настоящее время являются Criteria Caixa (26,7 %), фонды CVC (20,7 %), GIP (20,6 %, недавно поглощённый BlackRock) и IFM (15 %), а также алжирская газовая компания Sonatrach (4,1 %).

Энергетический гигант из ОАЭ TAQA представил план по приобретению акций CVC и GIP. Превышение доли в 30 % акций по закону предписывает публичное предложение о покупке предприятия, но тут снова вариант с вхождением SEPI и, прежде всего, сохранением роли Caixa в согласии с TAQA, позволили бы избежать «возможной потери контроля с испанской стороны» (*La Vanguardia*).

Следует напомнить, что Пиренейский полуостров, на котором расположены 8 предприятий по регазификации СПГ, 7 из которых находятся в Испании, рассматривается в качестве континентального энергетического хаба, который должен компенсировать сокращение поставок из России, сократившихся на 80 % в период с 2021 по 2023 год, согласно данным Real Instituto Elcano.

Финансовая газета *Expansión*, близкая к правому крылу в Мадриде, считает, что «как показывают инвестиции Управления по инвестициям Катара в Iberdrola [европейский энергетический чемпион с корнями в Стране Басков], где оно является первым акционером с долей 8,7 %, арабский капитал может быть источником стабильности». С одной стороны, *El Economista*, чутко реагируя на настроения CEOE, Испанской конфедерации промышленности, продолжает критиковать «интервенционизм» правительства. С другой стороны, она предупреждает о «риске для национальной промышленности» в случае, если Абу-Даби займёт доминирующее положение в газораспределении, и указывает на то, что два бывших премьер-министра Италии, Марио Драги, который также был президентом ЕЦБ, и Энрико Летта, в рамках своих повесток конкурентоспособности и единого рынка «призывают к более активной защите стратегических секторов в ЕС» и «стремятся сформировать более

плотную броню перед лицом инвесторов из-за пределов ЕС».

Поезда и «военная мобильность»

Монархическая ABC также бьёт тревогу: «Испания по скидке для иностранного капитала». Газета сетует на отсутствие крупных национальных частных групп, способных противостоять тенденции, за исключением Criteria Caixa. Остаётся SEPI и, в конечном счёте, государство, которое может «действовать как тормоз, позиционируя свои действия как защиту от поглощений». Среди испанских компаний, на которые нацелились зарубежные конкуренты, ABC вспоминает Talgo, производителя железнодорожных вагонов, которого хочет заполучить венгерская Ganz-MaVag, на 55 % принадлежащая Magyar Vagon и на 45 % фонду Corvinus, зависящему от венгерского министерства экономики.

В этом случае правительство ссылается на влияние России на Будапешт, чтобы заставить сомневаться в сделке. Энрик Хулиана, помощник редактора каталонской *La Vanguardia*, также напоминает, что «одним из активов Talgo является патент на строительство поездов с переменной шириной колеи». Колея – это расстояние между путями: традиционно в иберийской сети (1.668 мм) она отличается от европейской (1.435 мм), но поезда Talgo могут ходить по обеим. В восточных странах ЕС, напротив, используется «русская колея» (1.520 мм), и Ganz-MaVag благодаря патенту «станет важным оператором».

Хулиана отмечает, что данный вопрос связан с европейским перевооружением, поскольку, вдали от шумихи в СМИ, «Комиссия ЕС внедряет концепцию «военной мобильности» в свою транспортную политику». Речь идёт об облегчении перемещения военных средств по логистической сети, соединяющей порты, автомагистрали и железные дороги, особенно о «высокоскоростных поездах», TAV или AVE (Alta Velocidad Española). Испания имеет почти 4.000 км высокоскоростных железных дорог, построенных по европейской колее: в четыре раза больше, чем Италия (921 км), и больше, чем Германия (1.631) и Франция (2.735). Испанская сеть, спроектированная только для пассажирских перевозок, должна быть, однако, адаптирована и для военных эшелонов. Кроме того, «ЕС и НАТО будет достаточно Барселона», единственного порта, подключённого к сети TAV, чтобы отправлять военные грузы на Восток по железной дороге.

Хороший долг

Наконец, Хулиана задаётся вопросом, не зашла ли Испания слишком далеко в удовлетворении чаяний провинций, для которых «строительство инфраструктуры стало почти что магическим решением» их проблем. Из пяти ведущих европейских экономик, включая Великобританию, Испания «с большим отрывом занимала первое место по инвестициями в транспортную инфраструктуру [...] в период 1985–2017 годов».

Можно заметить, что в целом испанцы хорошо воспользовались десятилетиями щедрого финансирования со стороны ЕС. Когда Драги говорил о «хорошем долге» для Италии, он, вероятно, имел в виду чуть меньше субсидий на ремонт частных домов и чуть больше оптоволоконной и логистики.